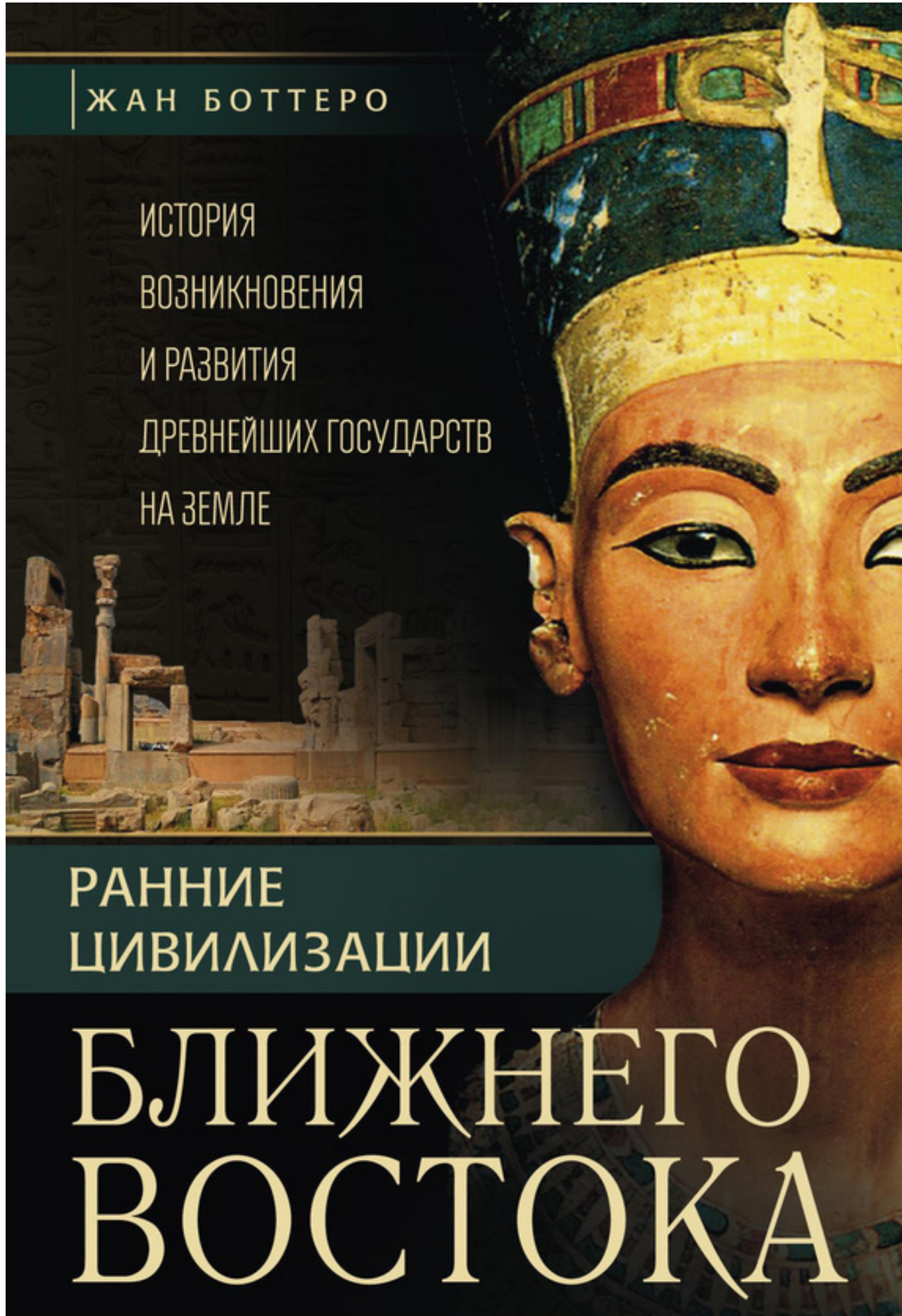

ЖАН БОТТЕРО

ИСТОРИЯ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ
ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ
НА ЗЕМЛЕ

РАННИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

Жан Веркуттер

**Ранние цивилизации
Ближнего Востока. История
возникновения и развития
древнейших государств на земле**

«Центрполиграф»

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Веркуттер Ж.

Ранние цивилизации Ближнего Востока. История возникновения и развития древнейших государств на земле / Ж. Веркуттер — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5202-2

Настоящая книга, написанная выдающимися учеными из Франции и Германии, подробно рассматривает один из ключевых периодов истории человечества, начинающийся с первого появления цивилизации в Египте и Месопотамии. Покрывая период от 10 000 до 1500 года до н. э., авторы освещают предысторию Ближнего Востока, следят за подъемом Шумерского, Аккадского и Вавилонского царств в Месопотамии и за их отношением с соседями, описывают историю Древнего Египта во время Древнего и Среднего царств. Здесь охвачены политические события, социальные и экономические предпосылки развития истории, а также ее интеллектуальные направления.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5202-2

© Веркуттер Ж.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1. Предыстория Передней Азии	6
Открытие древней Передней Азии	6
Передняя Азия в древности: историческая география	8
Хронология	12
Передняя Азия в первобытности	14
Протописьменный период в Шумере	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Жан Боттеро, Жан Веркуттер,
Адам Фалькенштайн**
**Ранние цивилизации Ближнего Востока.
История возникновения и развития
древнейших государств на земле**

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1. Предыстория Передней Азии

Открытие древней Передней Азии

Вплоть до конца XVIII в. все наши знания о древней Передней Азии были ограничены Ветхим Заветом и отрывочными, зачастую вымышленными описаниями классических авторов. В 1802 г. был сделан решительный шаг в попытке прочесть то, что могли нам поведать сами жители древней Передней Азии. В тот год Г. Ф. Гротенд смог частично расшифровать клинописные надписи на древнеперсидском языке. В 1765 г. их скопировал К. Нибур во дворце персидских царей в Персеполе, они датируются правлением царей Дария и Ксеркса, которые безуспешно пытались завоевать Грецию. Эти надписи были высечены в камне тремя системами письма, которые соответствовали трем языкам. После перевода надписи, выполненной на древнеперсидском, у европейских ученых появилась возможность попробовать расшифровать две остальные. Одна была сделана на эламском, языке Юго-Западного Ирана; вторая – на языке вавилонян и ассирийцев, разработавших исключительно сложное письмо, что невероятно затрудняло процесс его понимания. Проблемы этой письменности были более или менее решены только в 1857 г. Ее дешифровка имела огромное значение для постижения древней истории, поскольку почти все письменное наследие древней Передней Азии было создано именно на этом языке. Он относится к семитской группе и называется аккадским, по древнему названию страны его происхождения.

Даже задолго до того, как попытки расшифровать аккадскую клинопись увенчались успехом, они вызвали огромный интерес к стране, где на ней писали. Это привело к крупномасштабным раскопкам, предпринимавшимся европейцами в столицах Новоассирийской державы, местонахождение которых было в той или иной степени известно по библейским и классическим источникам: в Ниневии, близ современного Мосула в Ираке; в Хорсабаде, где находилась временная столица Саргона II (722–705 до н. э.); в Нимруде, библейском Калахе (аккад. Кальху). В первой половине XIX в. французские и английские исследователи (П.-Э. Ботта, Э. Фланден и О. Г. Лэйард), ставшие одними из первых археологов, по возвращении из экспедиций начали составлять первые описания великолепных дворцов и храмов, декоративных рельефов, колоссальных статуй; кроме того, они привезли и сами памятники, ставшие жемчужинами коллекций Лувра и Британского музея. К числу этих невероятных открытий относится находка в Ниневии библиотеки величайшего ассирийского правителя Ашшурбанипала (669–627 до н. э.), где царь собрал всевозможные вавилонские и ассирийские религиозные и литературные тексты, до каких только могли добраться его агенты; а также тексты на шумерском языке, забытом за 1500 лет до правления Ашшурбанипала.

Развалины Вавилонии, расположенной южнее Ассирии, поначалу казались менее продуктивными. В 1877 г. Э. де Сарзек возглавил раскопки в Телло, древнем городе Гирсу, и нашел первые памятники шумерской цивилизации. К их числу относится статуя правителя города Гудеа (около 2143–2124 до н. э.) и два глиняных цилиндра с клинописными текстами – древнейшими и наиболее развернутыми письменными источниками, обнаруженными к тому моменту в вавилонской земле. Таким образом, у ученых появилась возможность изучать шумерский язык непосредственно по документам, составленным во времена, когда он еще был живым языком. Позднее, в 1889 г., при раскопках одного из частных домов XVIII в. до н. э. американские исследователи нашли крупнейшую коллекцию шумерских текстов. В то же время работали и немецкие археологи Р. Колдевей (в Вавилоне, начиная с 1889 г.) и В. Андре (в Ашшуре, начиная с 1903 г.), целью которых было восстановить облик этих великих городов

Месопотамии. В 1913 г. Ю. Иордан начал раскопки Урука (библейского Эреха), крупнейшего из археологических памятников Южной Вавилонии.

Внимание археологов не ограничивалось пределами Месопотамии. В Сузах Ж. де Морган открыл эламскую культуру, которая, несмотря на тесную связь с Вавилонией, сохранила собственную самобытность. В 1887 г. в Амарне, в Среднем Египте, был найден архив дипломатической переписки фараонов Аменхотепа III и IV с великими и незначительными правителями всей Передней Азии, все послания были написаны клинописью. В 1907 г. в деревне Богазкёй в Центральной Анатолии (древней Хаттусе) Г. Винклер обнаружил архив, благодаря которому появилась возможность расшифровать хеттскую клинопись и читать источники на хеттском языке. Мировая сокровищница клинописных текстов пополнялась не только благодаря работе археологических экспедиций; крупные музейные коллекции расширялись и за счет табличек самого разного времени, найденных в ходе грабительских раскопок по всему Ближнему Востоку и попадавших в музеи от перекупщиков.

Во время Первой мировой войны раскопки были приостановлены, но вскоре после нее количество исследований настолько увеличилось, что мы можем упомянуть лишь их малую часть. В ходе раскопок в Уре под руководством Л. Вулли были найдены поразительные захоронения царей раннединастического периода (ок. 2450 до н. э.); продолжающиеся раскопки в Уруке достигли слоев протописьменного периода (ок. 3000–2700 до н. э.). В низине реки Диялы американский археолог Г. Франкфорт обнаружил храмы всех периодов раннединастического времени. В Нузи, близ современного Киркука, обнаружено поселение XV–XIV вв. до н. э.; в нем были найдены частные архивы, которые проливают свет на это темное время. Другие источники раннединастического периода происходят из Мари в долине Евфрата, где А. Парро открыл дворец XVIII в. до н. э. и царский архив, документы которого содержали множество конкретных и потрясающе подробных данных, относящихся к периоду, когда царь Хаммурапи строил свою державу. Чуть ранее К. Ф.-А. Шеффер приступил к раскопкам Угарита, сирийского города на Средиземноморском побережье близ Рас-Шамры, где были найдены таблички с еще неизвестным к тому времени алфавитным письмом. Его расшифровка открыла поэзию и мифологию древних жителей Ханаана. Под руководством К. Биттеля возобновились исследования в Богазкёе, история Хеттской державы и древней Анатолии стала приобретать более определенные черты. В Персеполе, о котором мы начали свой рассказ, экспедиция Э. Херцфельда и Э. Шмидта систематически продолжала исследование остатков дворцов ахеменидских царей. И после этого начался длительный и сложный процесс постижения самых ранних этапов истории человечества – изучения поселений эпохи каменного века на Ближнем Востоке.

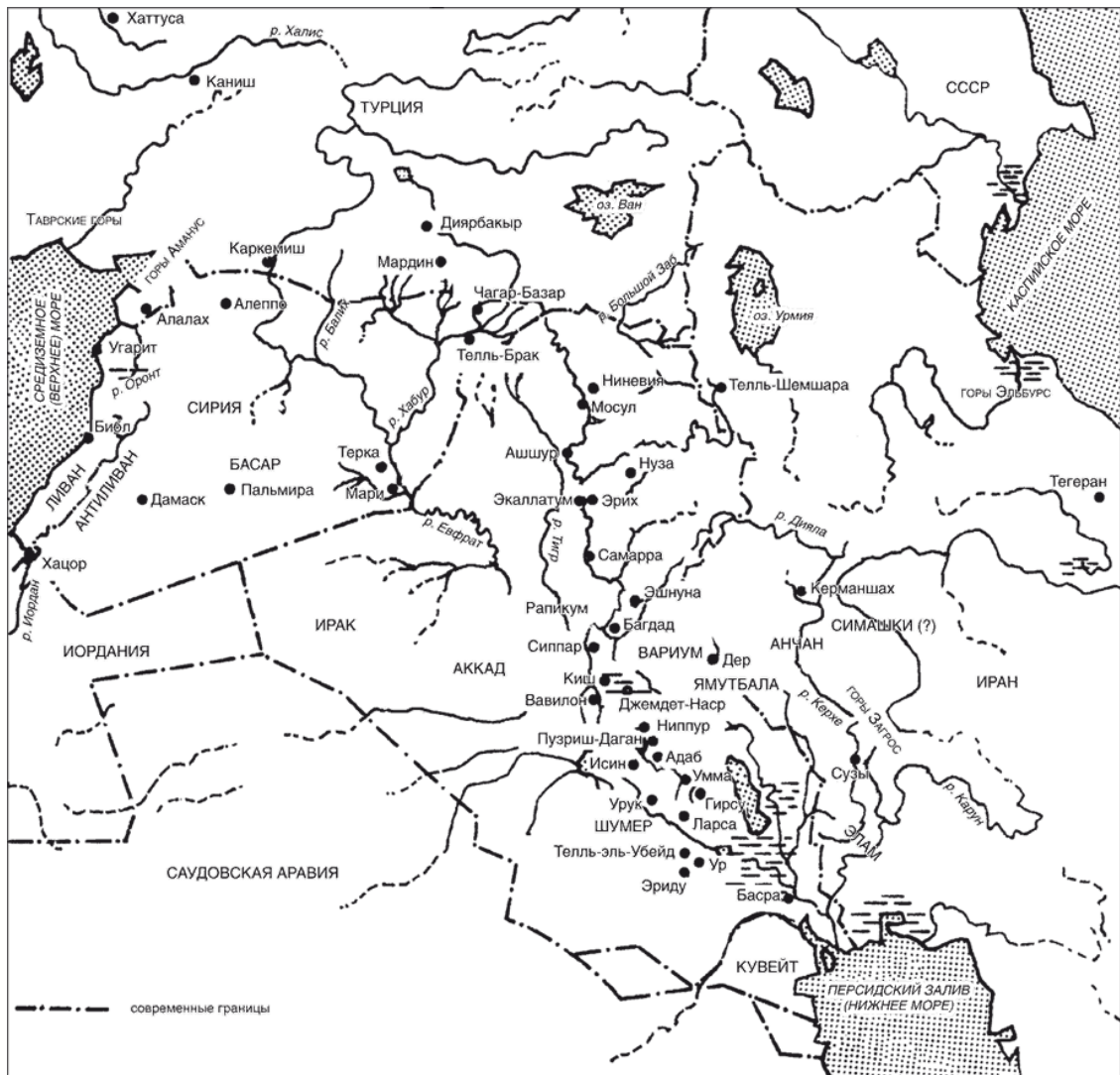
Вторая мировая война также приостановила раскопки, но после ее завершения начался их новый подъем. Была возобновлена работа в Богазкёе, Угарите, Мари, Нимруде, Ниппуре, Уруке и Сузах, были также начаты новые исследования в области первобытной истории, в частности проблем перехода к неолиту и возникновения земледелия. Благодаря усилиям сотрудников служб древностей, которые появились в каждой из ближневосточных стран, государства Ближнего Востока также стали принимать участие в изучении собственной истории.

Вот так активно и весьма успешно исследователи открывали страницы многовековой истории. Но следует не забывать две вещи. Во-первых, в процессе исследования крайне сложно учесть абсолютно все новые данные, которые появляются постоянно и в огромном количестве. Во-вторых, несмотря на все предпринятые усилия, история ряда отдельных регионов и периодов остается абсолютно неизученной. Это значит, что нам еще предстоит много работы в надежде, что когда-нибудь в далеком будущем мы сможем точно восстановить всю историю древнего Ближнего Востока.

Передняя Азия в древности: историческая география

Начнем со сложностей в терминологии. Современные определения «Ближний Восток» и «Средний Восток» не всегда соответствуют территории, которую историки называют «древним Ближним Востоком». Во-первых, сегодня Ближний Восток включает территории как Азии, так и Африки; и поскольку в первых пяти главах этой книги речь пойдет исключительно об Азии, мы будем называть эти земли древней Передней Азией, имея в виду древний Ближний Восток, исключая Египет. Во-вторых, понятия «древний Ближний Восток» или «Передняя Азия» имеют разное значение в зависимости от исторического периода, поскольку в разные времена некоторые территории исчезали из поля нашего зрения. В самом начале, рассказывая о раннем этапе общинного строя, мы почти полностью сосредоточимся на Плодородном полу-месяце, полукруге долин и предгорий, ограниченных горами Загроса с востока и хребтами Тавр, Аманос и Ливан на западе. Значительная часть Анатолийского полуострова, омываемая Эгейским морем, не будет рассмотрена в нашем повествовании, поскольку ее следует изучать в связи с эгейской, греческой или балканской культурами. Черноморское побережье Анатолии до греческой колонизации было, вероятно, малонаселенным. Хотя в Северной и Южной Аравии были найдены памятники разных культур от первобытности до эпохи неолита и медного века, на исторической карте эти земли появились только во времена Новоассирийского царства, в 1-м тыс. до н. э. Западная граница изучаемой нами территории проходит по Иранскому нагорью, где сохранились памятники, относящиеся к некоторым периодам, однако находки, относящиеся к другим этапам истории, пока сделаны не были.

Сердцем этого древнейшего Востока, местом, где началась история, стала молодая с геологической точки зрения низина между реками Тигр и Евфрат – грубо говоря, территория между современным Багдадом и местом, где эти реки впадают в Персидский залив, который в древности был, вероятно, больше, чем сегодня. Эту территорию мы называем Вавилонией. Ее суровый климат отличается жарой в долгие летние месяцы и редкими и нерегулярными дождями поздней осенью и зимой, поэтому земледелие изначально полностью зависело от искусственной ирригации. Это значительно ограничивало размер территорий, пригодных для ведения хозяйства.

Передняя Азия до XXVIII в. до н. э.: доисторический и протописьменный периоды

К юго-востоку от современного Хузестана, в древней Сузиане, или Эламе, климат был точно таким же, за исключением благоприятных территорий у подножия холмов или гор, где выпадает большее количество осадков. Вдоль отрогов Загроса доисторический и протописьменный периоды существуют даже зоны, где возможно дождевое земледелие. Но эти местности разделены горами, и их жители крайне редко объединялись с соседями в политические союзы. Через эти горы на восток и север ведут несколько путей, благодаря которым осуществлялись контакты между Месопотамией и Иранским и Армянским нагорьями. Эти дороги идут из Суз в Фарс, от верховья реки Диялы к Рамадану и Керманшаху, от восточных ассирийских гор через Равандузское ущелье к озеру Урмия. В свое время этими же горными путями иранские народы мигрировали в ассирийские земли и вавилонскую низину.

Земли Ассирии начинаются на юге от Джебель-Хамрин, горного хребта, уходящего до низин Ирака, простираются на север и восток до хребта Загроса и включают обширные территории вдоль поймы и к востоку от среднего Тигра. К востоку от реки располагается узкая полоса плодородной почвы, которая расширяется к современному Мосулу, там же находится удобный проход к горным районам.

К западу и северо-западу от Вавилонии раскинулась бесплодная полупустынная равнина, где выживают разве что кочевники. Площадь этой равнины в древности значительно превосхо-

дила нынешнюю. Это связано с миграцией русла Евфрата, которое сместилось на запад, ближе к границе Аравийского плоскогорья.

До конца 2-го тыс. до н. э., пока не был одомашнен верблюд, кочевники не могли удалиться от орошаемых зон дальше нескольких дней пути. В верховьях Евфрата плодородные земли ограничены степями Аравийского нагорья на западе и участками гипсовой пустыни на востоке, в результате чего образовалась цепь речных оазисов. Они были единственным местом, пригодным для человеческого обитания. Если подняться еще выше по реке, можно достигнуть района древнего Мари, где вдоль притоков Хабура и Балиха полоса плодородных земель расширяется и соединяется с орошаемыми дождем землями у предгорий Тавра.

К югу от Тавра, между побережьем Средиземного моря и верховьем Евфрата, и далее в Центральной Сирии и Палестине есть ряд областей с разными типами поселений. Прибрежная зона расположена у моря, и в ней находится много удобных бухт, в особенности в области, которая в будущем будет известна как Финикия. Хребет Аманус, Ливан и Антиливан на юге были богаты лесами, отсюда строительные материалы и ароматические смолы поставляли в Египет, Вавилонию, а позднее и в Ассирию (напоминание об этом сохранилось в эпосе о Гильгамеше, шумерской легенде, которая была заимствована аккадцами и хеттами: в одном из сказаний легендарный царь Урука сражается с Хумбабой, господином Кедрового леса). Впадина между Ливаном и Антиливаном и Иорданская рифтовая долина на юге обеспечивали возможность передвижения с севера на юг и активно использовались для путешествий в обоих направлениях. У восточного склона Антиливана образовалось несколько оазисов, важнейшим из которых стали Дамаск и его плодородный спутник, современная Гута.

Палестина представляет собой «оживший» учебник географии: в ней есть и относительно плодородный район на западных склонах Иудейских и Галилейских гор; в Иудейских горах и в Негеве есть пустыни; в Иорданской рифтовой долине произрастают субтропические джунгли. Пустыни Синайского полуострова и Южный Негев разделяли Палестину и Египет по крайней мере до 3000 г. до н. э. К востоку от реки Иордан расположены земли, которые и в глубокой древности, и в римское время были густо населены.

Западной оконечностью древнего Ближнего Востока была центральная часть Анатолии, оттуда шли пути в Верхнюю Месопотамию и Киликию. Главным поселенческим центром являлась территория вокруг дуги реки Галис (совр. Кызылырмак). Кроме нее пригодными для жизни были земли, расположенные вокруг верховий Сангариуса (Сакарьи) и в долине Конья. Район Понтийских гор (вдоль Черноморского побережья) во времена Хеттского царства был заселен только кочевниками и полукочевыми племенами. Восточная Анатолия сильно изрезана горами, что делало ее непригодной для появления значимых государственных образований.

Как мы видим, Передняя Азия естественным образом разделена на районы, большая часть которых имеет незначительный размер. Это не могло не сказаться на древней истории данного региона: на ограниченных горами землях складывались небольшие этнические и политические объединения. В то же время в трех больших и менее разделенных горами зонах – в Месопотамии, Анатолии и на Иранском нагорье – появились великие государства. Полоса полупустыни между Плодородным полумесяцем и Аравийским нагорьем во все известные нам исторические периоды была родиной семитских кочевых племен. Наша картина остается неполной без упоминания о том, что большинство народов, которые основали могущественные ближневосточные державы – хетты, индоевропейские митаннийцы, мидийцы и персы, – изначально были этническими объединениями и со временем стали частью многочисленного населения Восточной и Юго-Восточной Европы, задолго до того, как они появились на границах Ближнего Востока.

Как уже отмечалось, эти территории были изолированы друг от друга природными объектами. Эту изоляцию приходилось преодолевать в силу неравномерности распределения сырья,

которое было необходимо для ведения оседлой жизни. Потребности в видах и количестве сырья напрямую зависели от уровня развития цивилизации. На самых ранних этапах развития требовались обсидиан, кремь, битум, камень для производства сосудов, а прежде всего – металл. Изделия из этих материалов были найдены в самых древних поселениях, что свидетельствует о том, что сырье привозили издалека еще в те времена. В Вавилонии не было собственной древесины, строительного камня и металла, что стало важным стимулом для развития торговли. Ко времени, когда Вавилония стала развитой урбанистической цивилизацией, ее торговые связи выходили далеко за пределы Передней Азии: к берегам Персидского залива, к долине Инда, в Афганистан, откуда привозили лазурит, и к неизвестным месторождениям олова, которое было необходимо для производства бронзы. Из изолированного пространства Вавилония стала центром мировой торговли.

Хронология

Соотнести продолжительные периоды истории древней Передней Азии с точными годами до новой эры, как это принято в системе «абсолютной хронологии» современного летосчисления, невозможно. Ассирийский список эпонимных чиновников не уводит нас дальше 910 г. до н. э. Благодаря спискам вавилонских и ассирийских царей можно с точностью до десяти лет датировать события, происходившие в Месопотамии вплоть до 1450 г. до н. э. Даты событий в истории Сирии и Малой Азии можно соотнести с временной шкалой Вавилонии и Ассирии и даже в большей степени Египта, хронология которого для этого периода более или менее установлена. В результате этих соотнесений мы получили одну точную дату – 1270 г. до н. э., год подписания мирного договора между Рамсесом II и Хаттусили II. Взяв ее за основу, можно установить даты других событий, происходивших до или после того года. Но времена, которые предшествовали 1450 г. до н. э., представляются «темными веками» для всей Передней Азии, с неясной последовательностью событий; мы даже затрудняемся сказать, сколько прошло времени между 1450 г. до н. э. и предыдущей эпохой.

Нам хорошо известно, что происходило в течение приблизительно 800 лет до начала «темных веков». На основании известной последовательности и продолжительности правлений царей была разработана «относительная хронология» от правителей династии Аккада до конца I Вавилонской династии. Но последующие времена, более чем семь веков, остаются «темными» и никоим образом не привязаны к нашему календарю. Для решения этой проблемы необходимо узнать дату окончания правления I Вавилонской династии и начала владычества касситов (то есть начала «темных веков»). Есть несколько предположений, но в нашей книге мы будем придерживаться так называемой «средней хронологии», предложенной С. Смитом и М. Сидерским, согласно которой I Вавилонская династия окончилась в 1595 г., а царь Хаммурапи правил в 1792–1750 гг. до н. э. Соответственно, правление аккадских царей началось около 2340 г. до н. э. Привязка к абсолютной хронологии основывается на астрономических наблюдениях цикла Венеры, которые делали древние вавилоняне. Основной вопрос заключается в том, с каким из циклов этой планеты были связаны те или иные исторические события. Например, приверженцы так называемой «нижней хронологии», которая была разработана У. Ф. Олбрайтом и Ф. Корнелиусом, «опускает» все даты средней хронологии на шестьдесят четыре года, связывая их с предыдущим циклом.

Хронологическая таблица I. Первобытный и протописьменный периоды

Шанидар: неандертальский человек	60 000—40 000 гг. до н. э.
Верхний палеолит, мезолит и неолит	35 000—9000 гг. до н. э.
Зарождение скотоводства и земледелия	ок. 9000—6750 гг. до н. э.
Иерихон: ранний докерамический неолит	ок. 7000 г. до н. э.
Джармо: раннее поселение	ок. 6750 г. до н. э.
Медный век	ок. 5500 г. до н. э.
Эриду, Убейд, Урук	ок. 5000—3100 гг. до н. э.
Протописьменный период в Уруке	ок. 3000—2750 гг. до н. э.
«Храм С» в Уруке	2815±2885 (?) г. до н. э.

Для событий, произошедших до начала правления царей из династии Аккада, то есть в последнюю фазу раннединастического периода, можно предложить лишь приблизительные даты. Они основаны на известной последовательности царей Лагаша от Ур-Нанше до Уруинимгины, которые правили в общей сложности около 120 лет. Существует также Шумерский список царей, в который включены все правители Шумера и Вавилонии со времен, «когда царство спустилось с небес», вплоть до конца правления царей династии Исина (ок. 1794 до н. э.), но его нельзя считать хронологически достоверным в части, предшествующей списку аккадских царей. Имена всех правителей переданы довольно точно, лишь с небольшими огрехами, которые можно объяснить регулярным переписыванием текста в течение столетий. Некоторые из этих имен раннединастических царей полностью совпадают с данными исторических источников, созданных во время их правления.

Однако существует проблема, заключающаяся скорее в писцах, составлявших этот список. Они прекрасно знали свою историю, но умозаключения, на основании которых выстраивали список, в корне неверны. В их представлении единовременно и во всей Вавилонии могла править только одна династия. При этом они стремились не упустить ни одного из имен, дошедших из далекого даже для них прошлого. В результате династии царей, управлявших в одно и то же время разными частями Вавилонии, были выстроены в один ряд, как будто они правили всей страной. Таким образом, до Саргона Древнего, основателя династии Аккада, идет список из сорока пяти владык от Мескаламдуга из Ура до Лугальзагеси из Урука. Городом-государством Лагаш, династическая линия которого нам известна по другим источникам, управляли восемь правителей, некоторые из них правили не больше нескольких лет. Несмотря на старания писцов, из века в век переписывавших этот документ, в окончательной версии списка некоторые имена все же были утеряны. Например, в Шумерском царском списке отсутствуют имена всех правителей Лагаша, хотя некоторые из них заслуживали по крайней мере отнесения к числу властелинов Месопотамии.

Что же касается событий, произошедших до начала правления лагашского Ур-Нанше, мы не можем назвать даже приблизительных дат. Можно лишь приблизительно вычислить общую длительность различных фаз раннединастического и предшествовавшего ему протописьменного периода. Эти расчеты опираются на изучение толщины различных культурных слоев на ранних археологических памятниках и эволюции клинописного письма. Учитываются и синхронные данные в Египте: в самом конце додинастического периода (позднегерзейская культура, или Нагада II), накануне объединения Обеих земель, то есть весьма приблизительно около 3000 г. до н. э., в долине Нила появились предметы искусства, которые указывают на прямую связь с Шумером протописьменного периода. Кроме того, у нас есть точная датировка одной из фаз протописьменного периода (Урук, уровень IVa). Дата была получена методом радиоуглеродного анализа (^{14}C) деревянных фрагментов из «Храма С»: 2815 ± 2885 г. до н. э., что в целом коррелирует с датировками египетского материала.

Для еще более ранних периодов истории мы можем выстроить относительно надежную хронологическую схему на основании датировок по методу ^{14}C , полученных для поселений в Палестине, Киликии, Анатолии, Ираке и Иране, а также соответствующего материала из Египта и с Балкан. Таким образом мы можем высчитать длительность этапов развития цивилизации и определить скорость этого процесса, к рассмотрению которого мы и переходим.

Передняя Азия в первобытности

О самых ранних шагах человека в Передней Азии долгое время не было известно почти ничего. До сих пор мы знаем о них значительно меньше, чем о богатой археологическими находками Европе. Тем не менее систематические исследования с привлечением естественных дисциплин принесли определенные плоды. Сегодня у нас есть довольно четкое представление о развитии цивилизации в Передней Азии в эпохи палеолита и неолита. Артефакты, сделанные рукой первобытного человека, найдены во всем регионе: в пещерах горы Кармель близ Хайфы, в горах Иудеи, вдоль побережья от Сирии до Южной Турции, на западном берегу Турции, в Центральной Анатолии, в Иордании, от Аравийского нагорья до долины Евфрата и Западного Курдистана. В пещерах Кармель и Шанидар (Иракский Курдистан) в слоях мустьерской эпохи сохранились скелеты неандертальского человека, возраст которых 40 000–60 000 лет. В Шанидаре возраст следующего, верхнепалеолитического, слоя – 35 000 лет; выше сохранились слои мезолита и докерамического неолита, датируемого 9000 г. до н. э. Конечно же в Шанидаре представлены слои не всех археологических культур: после мустьерского слоя есть большой пробел, что соотносится с периодом, когда неандертальцы навсегда покинули эти земли, что было вызвано, вероятно, сильными климатическими изменениями.

В последнее время интерес к поиску следов первобытного человека в Передней Азии увеличился, и это принесло ощутимые плоды. Мы начали понимать, как был сделан один из самых решающих шагов человечества – переход от присваивающего хозяйства к производящему. Этот переход обоснованно называют неолитической революцией, в результате которой человек стал доминировать над природой; эта фаза закончилась лишь два столетия назад с наступлением индустриальной революции. В условиях неолита «революция» конечно же не была разовым событием, это был длительный процесс, происходивший в течение нескольких тысяч лет. Между 9000 и 6750 гг. до н. э. климатические условия на Ближнем Востоке приблизились к современным. Человек начал, по крайней мере в Передней Азии, одомашнивать диких животных, а чуть позже – выращивать съедобные растения.

К 6750 г. до н. э. человек уже разводил овец, коз и скот и умел выводить и возделывать сорта полбы, ячменя и льна. Выращивание зерновых культур было достаточно успешным для того, чтобы они стали основой рациона питания человека; это, в свою очередь, привело к появлению оседлого земледелия и образованию общин. Где начался этот переход? Очевидно, что он начался там, где водились животные, способные к одомашниванию, и произрастали травы, которые стали прародителями зерновых. Это описание подходит для горных долин и покрытых травой предгорий в Иране, Ираке, Турции, Сирии и Палестине. В этих районах идут дожди, что позволяет заниматься земледелием; на современном Ближнем Востоке для этого достаточно выпадения около 20 см осадков в год.

Мы пока не можем увидеть всю масштабность изменений, вызванных неолитической революцией. Например, сложно объективно оценить последствия перехода на зерновые как основной источник пищи. Переход к оседлому образу жизни должен был вызвать значительный прирост населения, детская смертность должна была уменьшиться, а продолжительность жизни – увеличиться по сравнению с предыдущими эпохами. Это подтверждается одним фактом: всего за несколько тысячелетий – довольно незначительный период в масштабе каменного века – зона первоначального расселения человека на склонах гор расширилась за счет равнины в пределах зоны выпадения зимних дождей, появилась плотная сеть общинных поселений. В те же времена, как мы предполагаем, появились кочевники-скотоводы. Передвигаясь со стадами овец или коз, они искали корм на высокогорье или в долинах за пределами орошаемых земель, добираясь до земель, которые были неведомы неолитическим земледельцам. Эти пастухи стали пионерами сельскохозяйственной революции, искавшими и находившими

места для новых поселений, в то время как их собственная численность и количество оседлых жителей увеличивались.

Ограниченность территории и постоянное увеличение числа соседей заставило первых общинников задуматься об общих правилах мирного сосуществования, для этого им пришлось ввести новые принципы правосудия и новые традиции. Это сказалось и на религии: теперь людям было необходимо искать расположения сил, от которых зависели плодovitость скота или выпадение жизненно необходимого дождя. Древние магические практики, которых было достаточно во времена охотничьей жизни, уже не действовали: новая пища рождала новых богов или старым богам приписывали новые функции.

Переход к производящему хозяйству, случившийся около 9000 г. до н. э., прослеживается на археологических памятниках в Палестине (на горных склонах со стороны Средиземного моря, а также в более сухих районах на востоке, типа носителей натуфийской культуры), в Ливане и Сирии, в Ираке и Иранском Курдистане. Люди все еще жили в пещерах, а в теплые сезоны – на открытых стоянках, которые, впрочем, они могли использовать и круглогодично. В Палестине (Айн-Маллаха) и в Курдистане (Млаффаат и Зави-Чем-Шанидар) сохранились остатки круглых хижин, возможно сделанных по подобию круглых шатров на открытых стоянках. Найденные там каменные терочки для зерна указывают на присутствие земледелия. Жители этих поселений также разводили коз и овец.

Показательным примером первых деревень считается Джармо, которая находится в Курдских горах к востоку от Киркука. Здесь сохранилось двенадцать культурных слоев, но не прослеживается динамика развития общества. Сохранились простые дома, построенные из прессованной глины на фундаментах из валунов; в домах есть несколько прямоугольных помещений. В каждом из слоев сохранилось по двадцать – двадцать пять таких домов, на основании чего было рассчитано приблизительное число жителей деревни – около 150 человек. Они выращивали крупнозерновой ячмень, выведенный из дикого *hordeum spontaneum*, и два вида полбы. В поздних слоях зафиксирована domestикация коз, овец и свиней; были также найдены останки других животных, но мы не обладаем достаточными данными, чтобы определить, были ли они одомашнены. Большинство каменных орудий – микролиты из обсидиана, вулканического стекла – привозили из дальних мест: ближайшее месторождение обсидиана находится в 380 км от этой деревни. В Джармо были найдены тщательно выточенные сосуды из камня, типичные для ранних поселений, а также первые керамические сосуды. Список находок также включает в себя глиняные фигурки, среди которых встречаются изображения беременных женщин, связанные с древнейшими, еще палеолитическими, представлениями о магических ритуалах, проводившихся для обеспечения плодородия. Каков же возраст Джармо, этого образца неолитического поселения? Результаты радиоуглеродного анализа относят самый ранний слой этого памятника примерно к 6750 г. до н. э.

В те же времена или даже ранее уровень развития Джармо и схожих деревень был превзойден другими культурами. Например, исключительной во многих отношениях иерихонской. Прежде всего, поселение ее носителей располагалось в благодатном оазисе около 200 м ниже уровня моря, посреди иссохшей местности у подножия Иудейских гор. Во-вторых, это раннее докерамическое поселение, датируемое методом радиоуглеродного анализа примерно 7000 г. до н. э., было окружено стеной из бутового камня, ширина которой составляла 1,5 м, а высота – более 3,65 м. С внутренней стороны к стене примыкала башня высотой более 8 м, в ней была устроена лестница, которая вела сквозь толщу башни на верхнюю площадку. Площадь поселения, окруженного стеной, составляла около 3,2 га. Само поселение состояло из округлых в плане глинобитных домов. Интересен погребальный обряд: умерших обезглавливали; тела закапывали в жилищах под полом, а головы хранили отдельно в доме. Этот обычай прослеживается и на других неолитических памятниках Ближнего Востока. В поздних слоях укрепленного поселения Иерихона эти черепа наполнены и обмазаны глиной, из того же мате-

риала на них воссозданы черты лица, вместо глаз вставлены разделенные створки раковин. Дома этих слоев были разделены на просторные прямоугольные помещения. По всей видимости, уже в те времена были выделены специальные места для отправления культа.

Другое поселение эпохи домекрамического неолита, обнаруженное в Угарите на побережье Средиземного моря, было также укрепленным. Здесь крепостная стена состоит из смеси глины и гальки и облицована большими валунами.

Приблизительно к 5500 г. до н. э. эта культура поселений достигла такого уровня развития, что стала стремительно охватывать новые регионы, а ее носители разработали принципиально новые технологии производства. К этому периоду относятся находки фрагментов сырья, обработанного человеком, что значительно отодвигает вниз принятые даты начала медного века. Поселения распространились на предгорные низины и, вероятно, заняли все орошаемые дождем территории. Это относится ко всей Передней Азии: сохранились памятники Чатал-Хююк и Хаджилар в Юго-Восточной Турции, Мерсин и Телль-Джудейде в Северной Киликии в Сирии, Телль-Хассуна и Тепе-Силал и Телль-и-Бакун в Иране. В ходе этого процесса распространения поселений стали формироваться местные культуры, и лучше всего это прослеживается на примере уже повсеместно распространившейся керамики. Сосуды того времени сделаны еще довольно грубо, их украшали орнаментом, процарапанным или выдавленным на поверхности, инкрустациями белого цвета или примитивной декоративной росписью. Дома все еще строили из прессованной глины, но появились и постройки из кирпича-сырца; независимо от материала в домах были прямоугольные помещения. На одной из стен здания в Чатал-Хююке, расположенном в долине Конья, сохранился слой штукатурки, на которую была нанесена большая фреска с изображением животных и охотников. Вероятно, к тому же периоду относятся потрясающие наскальные росписи в Кильве в Иордании, где представлены сцены охоты на горных козлов. В Хаджиларе сохранились женские фигурки из глины, которые примечательны размерами (до 25 см в длину) и отражают состояние искусства и религиозные представления раннего городского населения.

К тому времени были одомашнены многие животные – козы, овцы, свиньи, крупный рогатый скот и собаки, однако все вместе они встречаются не в каждом регионе. Перечень выращивавшихся культур был дополнен чечевицей, горохом, бобами и льном. Нам неизвестно, когда начали выращивать виноград, оливки и фрукты, но к началу исторического времени их уже разводили по всей территории Плодородного полумесяца. Поскольку все эти растения встречаются там в дикой форме, можно предположить, что их окультуривание началось довольно рано.

В чуть более поздних слоях наиболее распространена расписная керамика, роспись в основном заменила все другие способы украшения сосудов. Расписную керамику использовали почти повсеместно, ее находят даже в Анау, в Юго-Западном Туркестане, куда добрались переселенцы из Ирана. К тому времени появились поселения, основанные вне зоны дождевого орошения, к ним относятся Багхуз в среднем течении Евфрата и Самарра на Тигре.

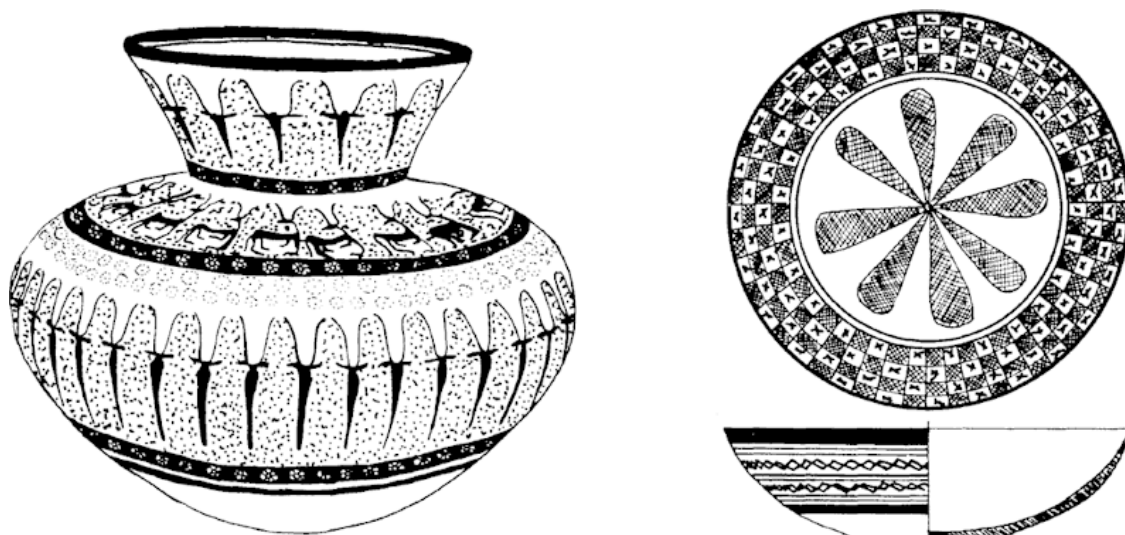

Рис. 1. Керамика культуры Телль-Халаф

Местные культуры того времени различают по стилям керамики и определяют по названиям памятников, где были впервые найдены подобные сосуды: Телль-Халаф близ истока реки Хабур, Самарра на Тигре, Телль-и-Бакун в Иране.

Керамика этих культур не только хороша по своим техническим характеристикам, но и довольно красива. Большинство сосудов расписано геометрическим орнаментом, иногда встречаются изображения и мотивы, заимствованные из природы. Наиболее распространенной была керамика халафской культуры, которая встречается от центра Месопотамии до Сирии и Киликии, в Восточной Ассирии и даже в Армении. Их отличает полихромная роспись с характерным блеском, которого достигали за счет высокой температуры обжига сосудов. Центром самаррской культуры был район Восточной Ассирии, она распространилась к западу от Тигра вплоть до Багхуза на Евфрате, но, в отличие от Телль-Халафа, ее ареал значительно меньше. В чем разница между этими культурами? Она заключается в различиях в технике и сюжетах росписи сосудов. Это может быть маркером различных этнических групп, а популярность определенных символов указывает на разные религиозные представления: художники халафской культуры украшали керамику фронтальным изображением головы быка («букранией») и мальтийским крестом; на самаррских сосудах была распространена свастика, она была самостоятельным либо составным элементом композиции росписи.

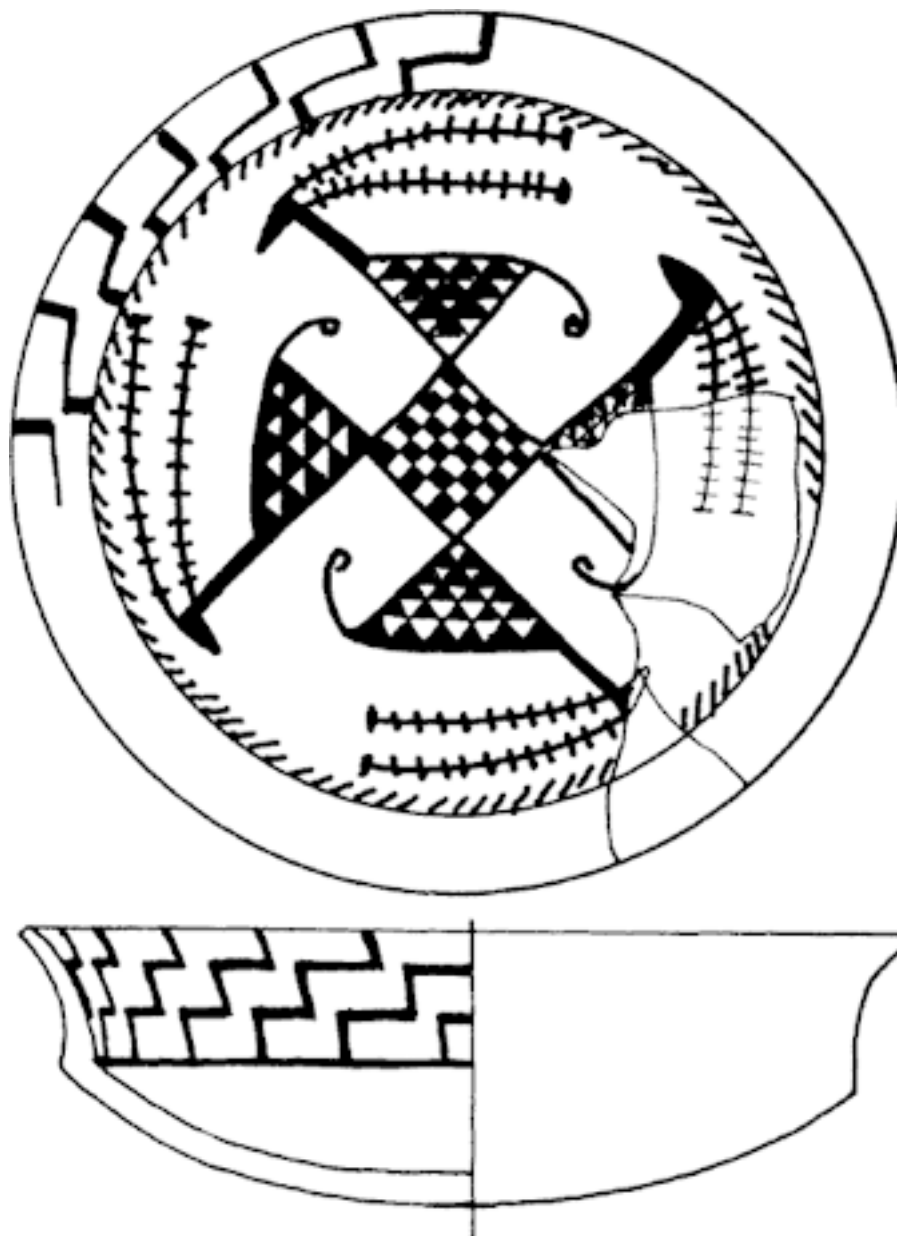

Рис. 2. Керамическая чаша культуры Самарра

Помимо традиционных домов с прямоугольными помещениями представители халафской культуры стали возводить круглые в плане постройки, к которым иногда пристраивали прямоугольную прихожую. Такие дома были найдены в Тепе-Гавре, в Арпачийе, в Телль-Хасуне близ Мосула и в Юнусе, что находится около Каркемиша в верховьях Евфрата. Широкое распространение таких домов по всей Месопотамии можно считать важным фактором, поскольку в традиционных обществах форма дома является отличительным признаком и не претерпевает существенных изменений в течение чрезвычайно долгого времени. Вероятно, эта форма напрямую связана с круглыми постройками докерамического неолита, 5000 лет спустя подобные дома изображали на рельефах новоассирийского периода, и к той же традиции можно отнести современные «дома-ульи» на севере Сирии.

Религиозные представления носителей халафской культуры отразились в женских расписных фигурках из глины.

Женщины показаны в поклоне, их руки скрещены под гипертрофированно большой грудью. У них очень широкие бедра, в то время как голова лишь обозначена скульптором. Сохра-

нились также фигурки животных, особенно широкой популярностью пользовались изображения крупного рогатого скота, которые, так же как «букрании» на керамике, имели своего рода защитное или магическое значение.

Что в те же времена происходило в Вавилонии, аллювиальной долине Нижней Месопотамии, где впоследствии появятся города, письменность и другие достижения цивилизации? Ничего. Мы не располагаем данными о поселениях в этом регионе до начала медного века, времени наивысшего расцвета халафской культуры. Конечно, нельзя исключать возможность, что в свое время туда не добрались пастухи-кочевники, что логично обусловило бы появление поселений, но эта версия не подтверждается данными археологии.

Наиболее ранние из обнаруженных поселений на 2000 лет младше, чем первые памятники иерихонской культуры. Этому есть несколько объяснений. Климат Вавилонской низины преимущественно засушливый, что делает невозможным занятие земледелием с дождевым орошением. Две главных реки, в особенности Тигр, сами по себе не только не облегчают, но и значительно осложняют жизнь. Во время весенней оттепели начинают таять снега в далеких северных горах, это наполняет реки огромным количеством воды, которая, однако, не устремляется к морю: перепад высот между устьями рек и находящимся в 337 км местом их впадения в Персидский залив составляет всего 34 м, и этого конечно же недостаточно для их равномерного течения. Поэтому реки все время выходят из берегов и меняют свое русло, и неудивительно, что миф о Великом потопе родился именно в этих землях. Постоянные разливы превратили земли в болота, где не растет ничего, кроме огромного тростника. Эти болота были намного обширнее, чем сегодня, и, чтобы построить дом, первым земледельцам приходилось укреплять почву кольями из тростника, это вынуждены делать и современные мааданы (болотные арабы) на юге Ирака.

Но решающим фактором было отсутствие осадков – зона, где ежегодно выпадает более 20 см дождя и где можно заниматься земледелием, находится в 200 км от Вавилонской долины; они разделены полосой, в которой могли выжить только пастухи-кочевники. Это означает, что первые вавилонские земледельцы применяли ирригацию, освоение этих земель требовало совершенно иного уклада жизни. Разумеется, прежде всего земледельцы построили небольшую систему рвов и каналов, но даже для этого общине было необходимо выйти за пределы прежних традиций. И еще большее им предстояло осуществить: разрабатывать и неустанно строить, дополнять, улучшать и, прежде всего, поддерживать систему орошения, которая превратит Вавилонию в *ager totius orientis fertilissimus*, самый плодородный край Востока.

Успех труда по созданию системы ирригации зависел от количества поселенцев и степени их организованности. К сожалению, у нас нет данных для расчета численности населения Вавилонии в те времена. Нам известно, что вскоре были заселены все районы страны. Но мы не знаем ничего ни о размерах поселений, ни о числе и плотности жителей. Это связано с тем, что на месте расположения большинства памятников люди жили продолжительное время, поэтому самые ранние культурные слои находятся под слоями более поздних времен, и достигнуть их можно лишь после полного изучения всех верхних горизонтов. Поселения же, которые люди могли покинуть до наступления исторического времени, уже давно погребены под двухметровым слоем аллювиального ила, и нам неизвестно их местонахождение.

К счастью, эти ограничения относятся к нашим знаниям относительно пространства, но не времени. Используя самый информативный источник – керамику, – мы можем проследить три фазы развития первых поселений Месопотамии:

1. Культура Эриду. Насколько нам известно, это самая древняя из культур. К ней относится ряд последовательных слоев в Эриду, на юге долины, она также зафиксирована на других памятниках в Южной Вавилонии: в Уре и Тель-эль-Убейде поблизости, в Кала в Хаджи-Мухаммеде к западу от Урука; и Центральной Вавилонии: в Ниппуре и Рас-эль-Амии. Керамика этой культуры сделана на медленном гончарном круге и покрашена, как правило,

сплошным цветом; иногда сосуды красили белым и расписывали геометрическим орнаментом, фигуративные изображения крайне редки; техника росписи – акварель. Цвет самой керамики разнится в зависимости от температуры обжига, чаще всего он фиолетовых или зеленоватых оттенков. Наиболее распространенной формой была низкая чаша с росписью внутри (рис. 3); иногда ее дополняли носиком и никогда – ручками.

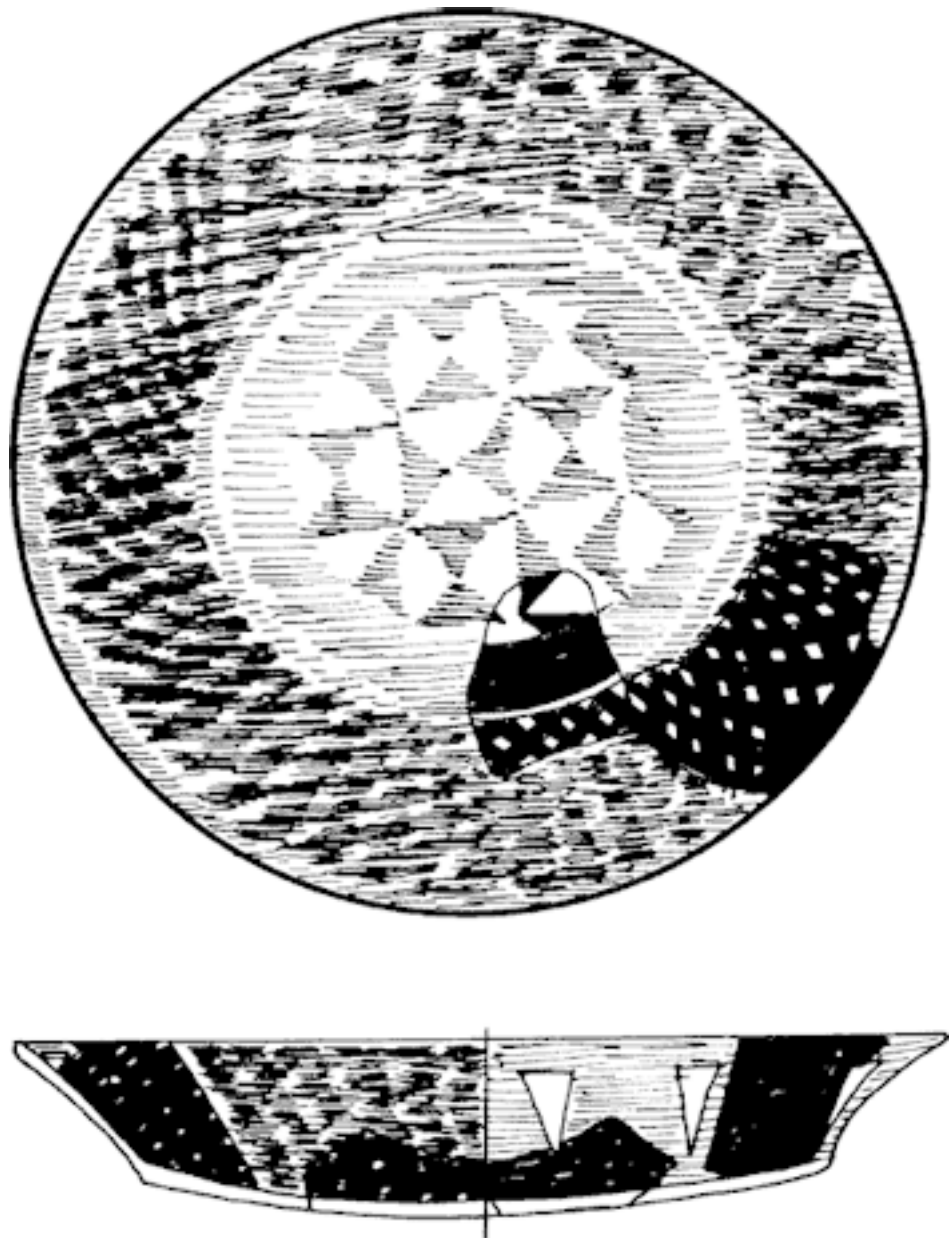

Рис. 3. Керамическая чаша культуры Эриду

2. Убейдская культура. Источники, относящиеся ко второй фазе развития Вавилонии, сохранились во многих слоях Эриду, Ура и Урука. Вероятно, убейдская культура распространилась до севера Вавилонии, где в бассейне Диялы, к северо-востоку от Багдада, были найдены ее памятники. Для убейдской керамики характерны зеленоватый цвет (результат высокой температуры обжига) и роспись черно-коричневой краской. Как и в Эриду, сосуды украшали преимущественно геометрическим орнаментом, фигурные композиции встречаются крайне редко. Последние были скорее типичны для керамики из Гирсу и северовавилонского Телль-Укайра. Со временем вариативность орнамента уменьшилась, а его выполнение стало небреж-

ным, что отражает общий упадок искусства росписи керамики; вместе с тем появилось большое разнообразие форм сосудов. Известно несколько типов сосудов с носиком, в то время как ручки сосудов так и не стали популярными. Можно проследить переход от керамики Эриду к керамике Убейда. Оригинальный стиль убейдских сосудов свидетельствует о самостоятельности этой археологической культуры, но мы не в состоянии определить, где и как она появилась.

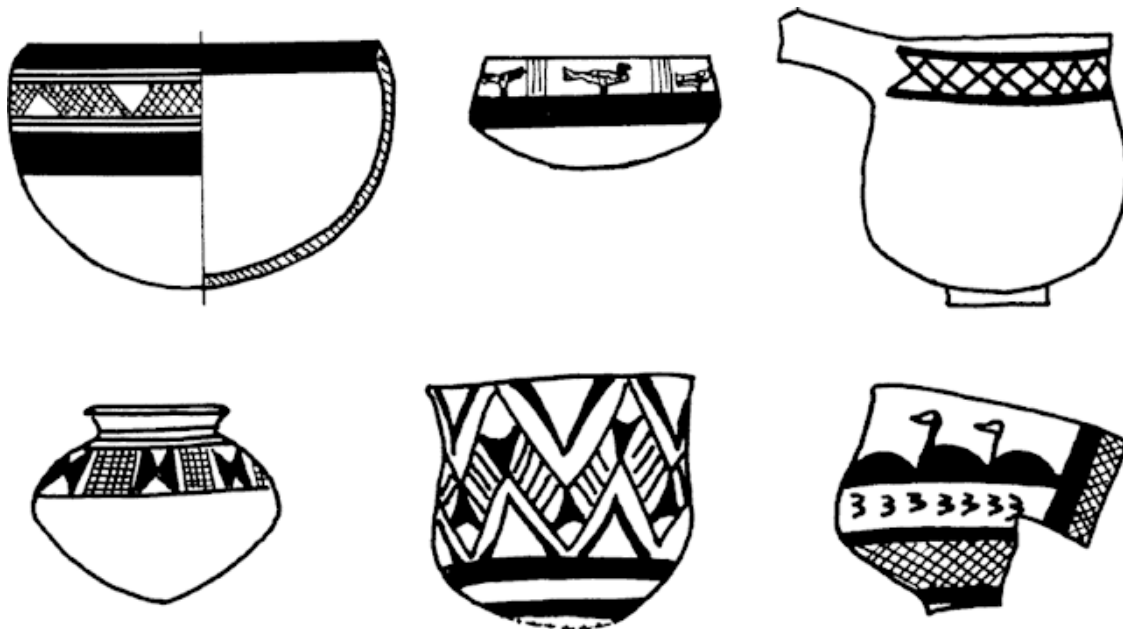

Рис. 4. Керамика убейдской культуры

3. Культура Урука. Хотя эта стадия отражена в большей степени на памятниках из Урука, урукская культура была распространена по всей Вавилонии и даже за ее пределами. На этой стадии место расписной керамики, которая долгое время была характерным признаком месопотамских культур, заняла нерасписная керамика, иногда покрытая ангобом красного или серого цвета. Серые сосуды часто украшали процарапанным орнаментом, обычно «гребенкой». Приобрели популярность сосуды с кручеными ручками и кувшины с изогнутыми носиками (рис. 5). Урукскую керамику делали на быстром гончарном круге. Сначала эти нерасписанные сосуды существовали одновременно с принадлежащими культуре Убейда расписанными, а впоследствии заменили их.

Эти три стадии развития вавилонских поселенцев длились на протяжении довольно продолжительного времени. В стратиграфическом шурфе в Уруке поздние слои убейдской культуры и самые ранние слои доисторического периода разделяет почти 16 м культурных напластований. Схожая картина наблюдается и в Эриду. Но не следует забывать, что для защиты от наводнений ранние поселенцы намеренно поднимали уровень своих поселений. У нас есть дата самых нижних слоев урукской культуры, полученная радиоуглеродным методом, – 4115±160 лет до н. э. При ее сравнении с датировками халафской культуры мы получаем временной интервал, в течение которого развивались древнейшие культуры Вавилонии, – около 5000–3100 гг. до н. э.

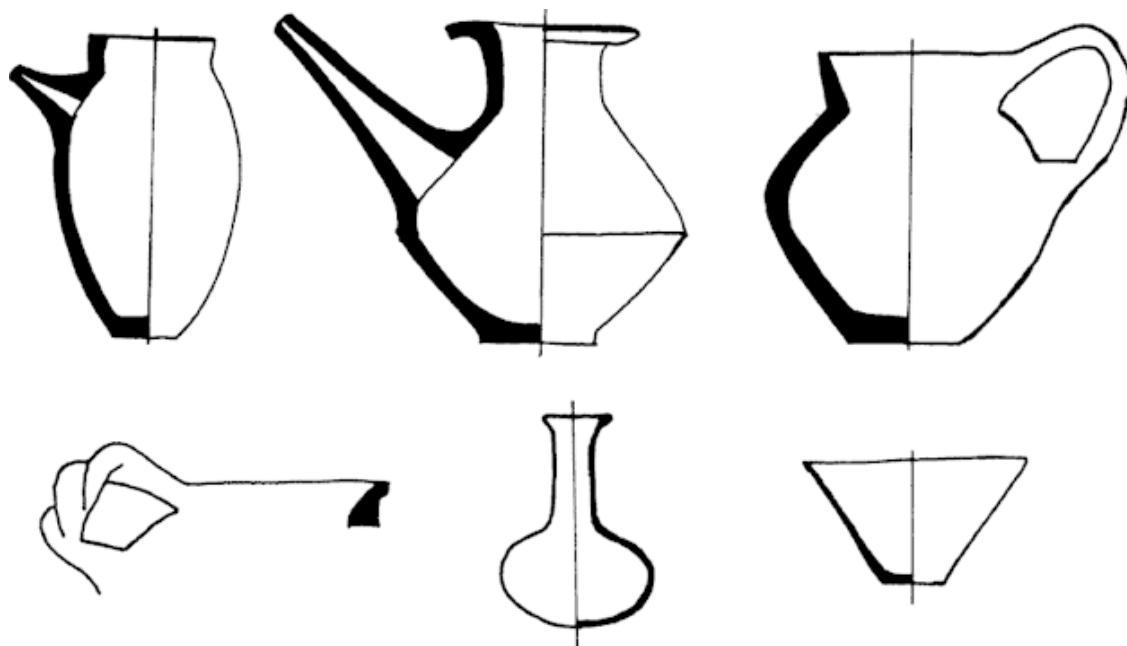

Рис. 5. Керамика урукской культуры

В течение этих 2000 лет люди жили в Вавилонии, образовав земледельческие общины, занимались земледелием, садоводством, разведением скота, рыболовством и охотой. Их спутниками были рогатый скот, овцы, козы, собаки и ослы. Древние вавилоняне выращивали в основном те же культуры, что и их современники, жившие в зоне дождевого орошения, за исключением оливы, не прижившейся в засушливом климате Вавилонии. Здесь выращивали финиковую пальму, которая не встречается на севере. Согласно шумерской традиции ее привезли из Дильмуна (с острова Бахрейн в Персидском заливе) или с побережья Аравийского полуострова. Возможно, это поверье правдиво, поскольку шумеры сохранили память и о том, что зерно было принесено из гор близ Вавилонии, а это, как мы уже знаем, соответствует действительности. Шумерский миф, записанный в XVIII в. до н. э., повествует о боге неба Ану, который спустил с небес пшеницу, ячмень и пеньку. Энлиль, бог царской власти, собрал и запер все семена на кедровой горе, после этого боги Ниназу и Нинмада решили, что «Шумер, не ведавший зерна, должен узнать его».

Этот дерзкий эксперимент по возделыванию зерновых, принесенных из гор и предгорий Плодородного полумесяца, в долинах с абсолютно иным климатом, требовавшим искусственного орошения, оказался невероятно успешным. В новых условиях дикий двурядный ячмень переродился в ячмень шестирядный, и эту разновидность со временем стали возделывать по всему Древнему миру. Сравнительно увеличились и семена льна, из которых стали получать больше масла; возможно, масло производили и из волокон растения.

Дома возводили из спрессованной глины или сырцового кирпича; изначально они представляли собой примитивные хижины, но к убейдскому периоду жилища приобрели определенную форму. Зачастую жилища устраивали в обнесенных изгородью тростниковых хижинах, похожих на те, что сооружают на болотах современные жители Южного Ирака. В значительно большей степени развитие архитектуры прослеживается на примере храмового строительства. Самый ранний из храмов в Эриду представлял собой небольшую постройку с одним внутренним помещением. Храмы, найденные в слоях убейдского времени, приобрели характерную форму, которую впоследствии будут воспроизводить на протяжении всего протописьменного периода. Храм представлял собой прямоугольное в плане здание (24 × 12,5 м), возведенное на искусственной платформе. Внутреннее пространство делится на центральный длинный двор-целлу, где были установлены алтарь и жертвенник, и два боковых помещения (рис. 6). Этот

храм можно рассматривать как начало эволюции зиккурата, ступенчатой башни, которая стала характерным культовым сооружением во всех исконно месопотамских цивилизациях вплоть до великой «Вавилонской башни» Навуходоносора II (605–562 до н. э.). Этот храм был возведен на месте, имевшем огромное культовое значение, где непрерывно на протяжении двух тысячелетий почитали богов; например, во времена III династии Ура, около 2050 г. до н. э., там на руинах предыдущих святилищ был возведен главный зиккурат Энки, шумерского бога мудрости.

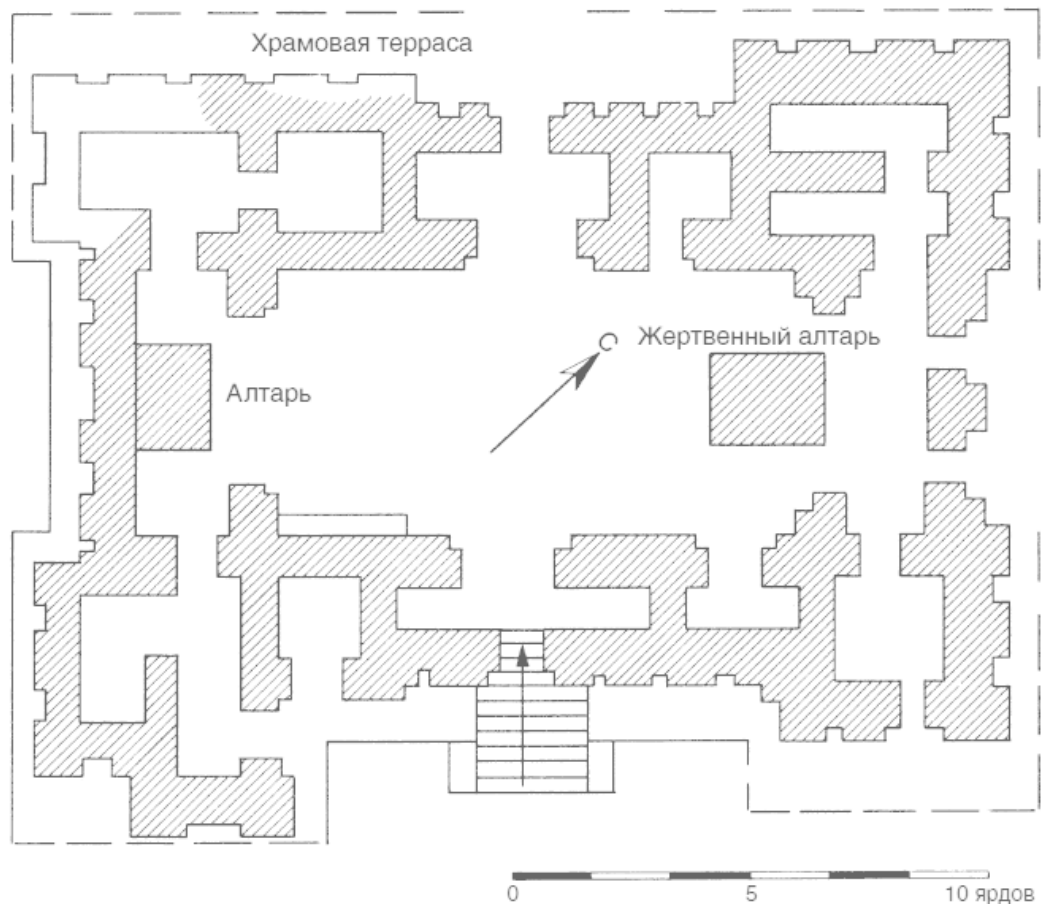

Рис. 6. Храм в Эриду, слой VII

Орудия труда, найденные в деревнях аллювиальной долины, указывают на уровень развития материальной культуры: они полностью отражают потребности и уклад жизни поселенцев. Помимо керамики, функциональное использование которой значительно расширилось, жители Вавилонии эпохи неолита применяли обсидиановые ножи и пилы, серпы из обожженной глины и изогнутые глиняные гвозди, о назначении которых можно только догадываться. Конечно же многие предметы, преимущественно сделанные из органических материалов (дерева, кожи, текстиля и т. д.), не сохранились. Однако можно с уверенностью сказать, что жители деревень не были ограничены местным сырьем. Кремень доставляли с Аравийского нагорья, обсидиан – из Армении и Верхней Месопотамии, битум, который был необходим для создания предметов с деревянными ручками или при строительстве лодок, привозили со среднего Евфрата близ Хита или из мест современной нефтедобычи в районе Киркука или Мосула.

Хотя признаков использования металла во времена убейдского периода не обнаружено, можно с уверенностью сказать, что, поскольку металл применяли еще в халафской культуре, его также знали с самых ранних времен и в Вавилонии. Судя по глиняной модели лодки, кото-

рую нашли в захоронении конца убейдского периода, берега Персидского залива уже были исследованы мореплавателями, а Вавилония стала центром развивающейся торговли. Чем жители Вавилонии расплачивались за привозные материалы, неизвестно; по аналогии с более поздними периодами можно предположить, что они экспортировали зерно (а новая разновидность ячменя, несомненно, обладала значительной ценностью) и финики. Возможно, еще в те времена начался экспорт тканей, ставших важным предметом торговли в поздние периоды. Экономика, основанная исключительно на земледелии, без производства товаров на экспорт и без налаженной международной торговли может обеспечивать постоянно растущее население лишь в определенной степени. Эта аксиома экономики применима даже к самым древним обществам.

О религии древней Вавилонии можно судить по храмам, воздвигнутым в честь главного бога Эриду. Этому богу приносили в жертву рыбу, а на месте его святилищ был построен зиккурат бога Энки. Отличительной чертой иконографии Энки в шумерском искусстве было изображение льющихся из плеч этого бога потоков воды, в которых рыба поднимается вверх по течению. Иными словами, мы вновь сталкиваемся с непрерывной традицией, берущей начало в глубокой древности.

О религиозных представлениях можно также судить по терракотовым фигуркам, которые находят во всех поселениях убейдской культуры. Например, изображение женщины в позе роженицы из Урука относится к культуре Эриду, но оно имеет некоторую связь с фигурками склоненных женщин халафской культуры. Убейдские фигурки выполнены в форме стоящих мужчин и женщин или антропоморфных существ обоих полов: их головы, непропорционально узкие и вытянутые, немного запрокинуты назад, глаза скошены; в результате лица этих существ напоминают морды рептилий. На большинстве мужских фигурок моделировка рук напоминает изображение крыльев. Как и в халафской культуре, статуэтки животных представлены преимущественно изображением крупного рогатого скота, но встречаются и образы диких животных. Иногда эти фигурки клали в захоронения.

Использование погребального инвентаря (преимущественно керамики) подразумевает наличие неких представлений о загробной жизни. Наиболее красноречивыми свидетельствами можно считать тело охотничьей собаки, положенное на грудь покойного мужчины, или миску мяса, поставленную рядом с собакой. Упомянутая выше глиняная модель парусной лодки, найденная в одном из захоронений, может подразумевать существование веры в то, что при помощи магии человек мог продолжать заниматься своей прижизненной профессией и после смерти. Если это так, то эта вера согласуется с обычаем хоронить слуг вместе со своим господином – вождем общины; ниже мы рассмотрим несколько таких захоронений, относящихся к раннединастическому периоду. Согласно верованиям убейдского периода, если люди и продолжали существовать после смерти, то они не должны были продолжать служить своему вождю.

Сохранившиеся человеческие останки позволяют получить, пусть и фрагментарные, антропологические данные. В позднеубейдских слоях в Эриду мертвые были захоронены в прямоугольных могилах, выложенных кирпичом. Покойных клали на спину в вытянутом положении. Судя по ске летам умерших, представители убейдской культуры были довольно крупного телосложения, в то время как скелеты раннединастического периода указывают на грацильное телосложение населения. Человеческие останки из убейдских слоев, равно как более ранние останки из Телль-Хассуны и Мосула, а также из древнейших халафских захоронений в Тепе-Гавре, определены как принадлежащие к средиземноморской расе. Таким образом, мы знаем, представители какой расы создали первые ступени вавилонской цивилизации; возможно, они же были создателями всей культуры первых поселений. Но нам ничего не известно об этническом типе этих людей. Мы можем предположить, что шумеры, ставшие основным народом Вавилонии в протописьменный период, появились в этой стране не позднее урукского времени. Изменения в традиционной керамике и исчезновение расписных сосудов не стоит

связывать с их появлением – такие события не указывают на смену этнического состава населения. Также нельзя исключать возможность того, что шумеры жили в Вавилонии изначально, придя туда в числе первых поселенцев.

Несмотря на то что нам неизвестно, кем были первые жители Вавилонии, можно предположить, откуда они пришли. Прослеживаются связи их материальной культуры с характерной для Элама (где керамика, найденная в Телль-Джови и Джафарбаде, идентична керамике культуры Эриду) и Иранского нагорья, в особенности Фарса. В то же время присутствуют прямые связи со слоями халафской культуры в Верхней Месопотамии. Создается впечатление, что Вавилония была заселена земледельцами, пришедшими и с севера, и с востока; можно предположить, что быстрый рост населения в зонах дождевого орошения вынудил людей расширять границы жизненного пространства. Отметим, что в своем раннем развитии Вавилония прошла три фазы, которые удивительным образом совпадают с изменениями культуры, происходившими к северу и северо-западу от нее. После того как керамика халафской культуры достигла своего наивысшего расцвета, по всей территории, где находили подобные сосуды, наступил период деградации расписной керамики, за которым последовали ее полное исчезновение и распространение нерасписанных сосудов урукского типа. Эта синхронность развития настолько очевидна, что, несмотря на многочисленные частные отличия, можно уверенно говорить о слоях убейдской и урукской культур далеко за пределами Вавилонии.

Как же можно интерпретировать развитие культуры в таком широком масштабе? С величайшей трудностью. Мы можем утверждать, что в те времена существовали связи между отдельными регионами Передней Азии и что эти связи были основаны на взаимном обмене товарами. Но достаточно ли этого утверждения для того, чтобы объяснить все имеющиеся у нас данные? Все, что мы знаем о древнем Ближнем Востоке в историческое время, когда определенные регионы были заселены конкретными этническими группами, наталкивает нас на мысль о крупномасштабной миграции населения. Если же говорить о процессах миграции на заре истории, то переселенцы должны были быть выходцами из поселенческой культуры, поскольку на этапе охоты и собирательства или кочевого скотоводства плотность населения не была достаточно высокой. Эти люди были выходцами из ядра культуры поселений, которое располагалось на окраинах Плодородного полумесяца и неминуемо расширялось из-за быстрого прироста населения. Мы рассмотрели, как происходило заселение Вавилонии; в Анатолии и Иране земледельцы также открывали новые территории, продвигаясь дальше и дальше от своих родных деревень. Поселения появились даже в совсем неблагоприятных климатических зонах, таких как Северный Негев в Палестине. Но остается нерешенным вопрос о степени участия культур Передней Азии в развитии неолитических культур Европы и остальных частей Древнего мира.

Протописьменный период в Шумере

Нечто совершенно новое появилось в мире, отправную точку и движущую силу развития которого нам только предстоит выяснить. Имеющиеся археологические данные не позволяют ответить на все возникающие вопросы. И это очень печально, поскольку эти вопросы касаются истоков цивилизации – города-государства в Шумере.

Эту цивилизацию отличают масштабная храмовая архитектура, достижения в скульптуре и рельефе и, что наиболее важно, самая первая система письменности в мире. Но, несмотря на новые черты, шумерская культура была продолжением последней фазы культуры Урука без видимого перехода. Новые города появились на том же месте, где стояли прежние поселения, шумерские храмы повторяют планы построек убейдского времени, а керамика представляет собой дальнейшее развитие традиций Урука.

Самые ранние этапы новой цивилизации лучше всего прослеживаются в Уруке. На месте более позднего святилища Э-Ана, где почитали покровительницу города, богиню любви, войны и планеты Венера Инанну, сохранились остатки древнейшего из сохранившихся храмов. Они были найдены в слоях V–IVb (нумерация археологических слоев иногда ведется сверху вниз, таким образом меньшие номера соответствуют поздним слоям, а большие относятся к хронологически более ранним уровням). Но еще в слое VI, под этим святилищем, были найдены большие скопления глиняных гвоздей, на подобие тех, что в более поздние времена использовали для крепления настенных панелей в самых значимых культовых постройках. Также была найдена храмовая ограда, которая относится по меньшей мере к тому же слою VI. Кроме того, в слое содержались оттиски цилиндрических печатей, более характерных для слоя IVb. Иными словами, несмотря на то что нам недоступны руины самого храма, можно говорить о сформировавшемся типе шумерских культовых построек.

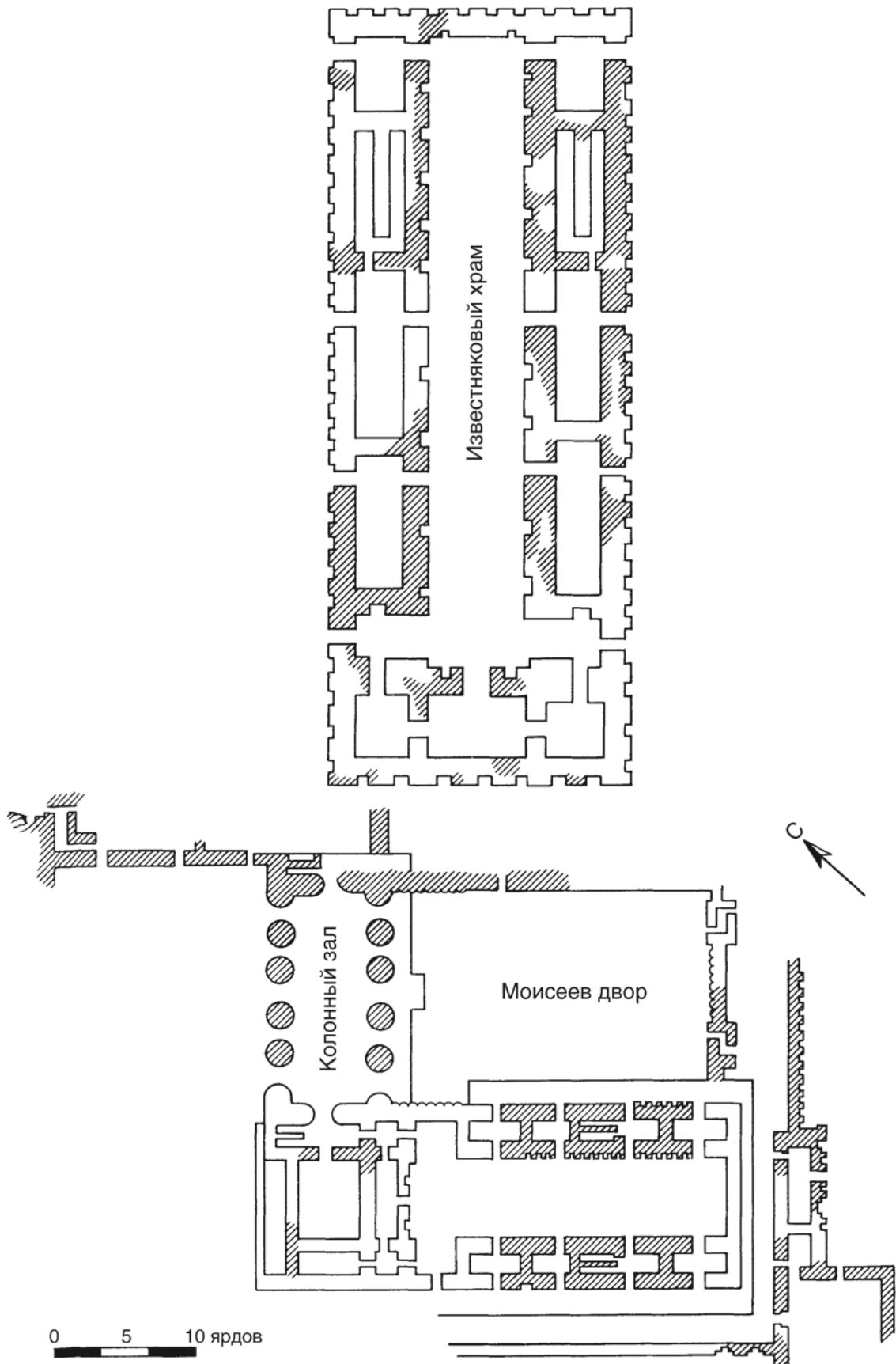

Рис. 7. Храм в Уруке, слой V-IVb

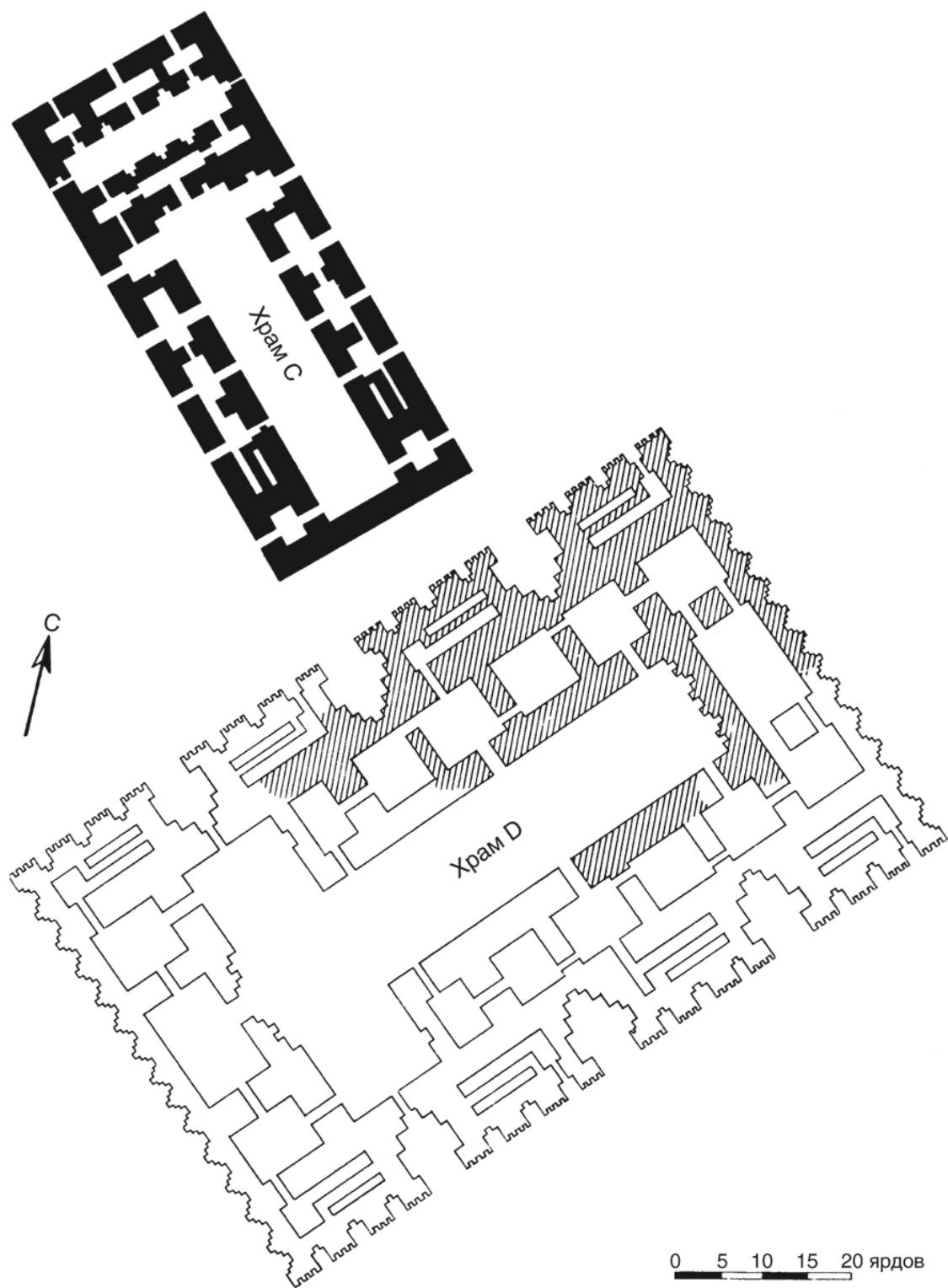

Рис. 8. Храм в Уруке, слой IVa

Храм слоев V–IVb был величественным памятником. Он был возведен на фундаменте из известняка, защищавшем постройку от дождей и влаги, со сторонами $75,5 \times 29$ м, что в семь раз превышает размеры последнего храма убейдского периода в Эриду. Строительный материал для этого храма привозили с Аравийского нагорья, которое находится почти в 60 км от Урука. План храма в целом совпадает с планом святилища в Эриду – он имеет центральный неф и боковые помещения. К новым чертам постройки можно отнести Т-образную форму центрального нефа и три помещения, которые примыкают к коридору в верхней части буквы «Т»;

щение по центру могло быть святой святых богини и местом отправления ее повседневного культа. Точность и симметричность планировки этого «Известнякового храма» указывают на высокий уровень развития строительных навыков. Поблизости под прямым углом к Известняковому храму расположено небольшое святилище на низкой террасе. Эти постройки были разделены двором, стены которого были частично украшены мозаикой из трехцветных керамических конусов. Уровнем выше, в слое IVa, были также найдены два соединенных между собой храма, размеры первого (в большей степени реконструированного) составляют $84 \times 53,6$ м, второго – $55,5 \times 22$ м. С учетом помещения при входе они представляют собой комплекс внушительных размеров. В 300 м к северо-западу в слое IV был обнаружен так называемый Известняковый храм. Хотя он также был возведен на фундаменте из известняка, стены этого храма полностью отлиты из строительного раствора; эта строительная техника была крайне нетипична для архитектуры Месопотамии. Внешняя сторона стен и ограда двора были украшены каменной мозаикой и керамическими конусами. Можно лишь представить, каких огромных усилий требовали возведение и оформление этого храма.

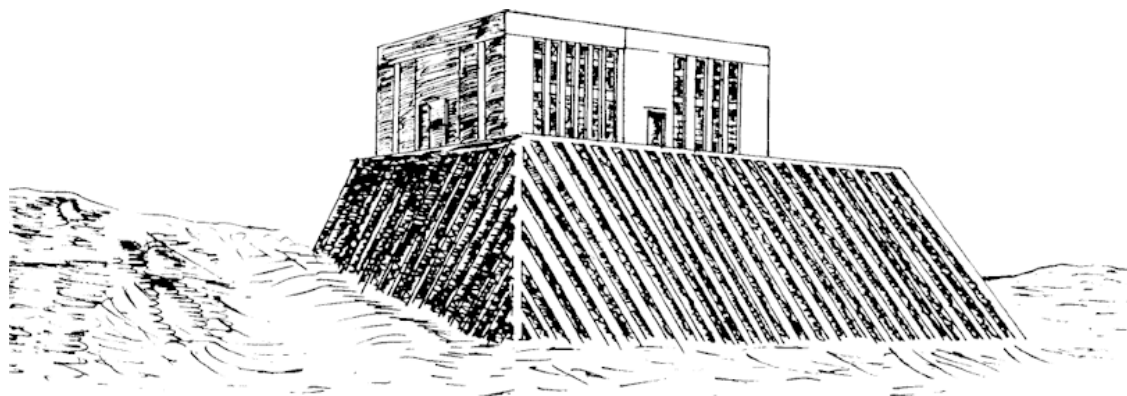

Рис. 9. Зиккурат Ану в Уруке (реконструкция)

Вблизи храма слоев V–IV, в более позднем слое III, были найдены остатки скромного прототипа зиккурата, который быстро превратился в более внушительную постройку (на этом месте около 2100 г. до н. э. при царях Ур-Намму и Шулги было возведено святилище Э-Ана). Помимо этого, в урукском святилище, посвященном верховному богу шумерского пантеона Ану, были обнаружены постройки, схожие с террасными храмовыми комплексами в Эриду. Точно такой же комплекс обнаружен в Телль-Укейре на севере Вавилонской равнины, на его стенах сохранились фрески с изображениями животных и людей в религиозной процессии.

От времени создания этих храмов также сохранились памятники глиптики – резные печати. Для доисторических периодов в Вавилонии и близлежащих землях были характерны простые печати, не позднее чем в урукском слое VI появились цилиндрические печати (небольшие цилиндры, поверхность которых была покрыта резным орнаментом; такие печати прокатывали по влажной глине и получали оттиск в виде прямоугольного изображения). Со временем цилиндрические печати распространились далеко за пределами Вавилонии, они пользовались неизменной популярностью на протяжении всей последующей истории древнего Ближнего Востока. По сравнению с ограниченным пространством обычной печати поверхность цилиндра предоставляла художнику большую площадь, где можно было разместить более распространенные и сложные сцены. Печати использовали в основном для опечатывания сосудов; в более поздние времена ими «подписывали» текст на глиняных табличках.

В протописьменной Месопотамии существовали четыре типа цилиндрических печатей. Мы рассмотрим некоторые из их особенностей, поскольку различие в содержании сцен и стилистике их исполнения, а также особенности географического распространения печатей

позволяют сделать полезные исторические наблюдения. К первому типу относятся преимущественно крупные печати, на которых мастера вырезали сцены с реалистичными изображениями; резьба была довольно глубокой, и оттиск подобной печати был полноценным, с рельефным изображением. На печатях изображали сцены поклонения богам в храме или перед алтарем, религиозные процессии на лодках, сцены сражений (одна – с изображением колесницы) и сцены охоты или борьбы с дикими животными, нападающими на стадо; сцены с борющимися дикими животными, регистры с образами животных и «священным стадом» домашнего скота. Изображения сцен повседневной жизни встречаются довольно редко. Главное действующее лицо многих сцен – это правитель, его можно узнать по фигуре, размеры которой превышают высоту остальных персонажей, и внешнему облику: бородатый мужчина с длинными волосами, перевязанными лентой, он одет в передник, закрывающий тело от бедер до лодыжек. Такие печати составляют большинство из обнаруженных в Уруке. Их довольно редко находят в Северной Вавилонии и почти никогда не обнаруживают в районе Диялы. Второй наиболее распространенный в Уруке тип печатей содержал «геральдические» композиции, которые часто включали пары обращенных друг к другу животных. Иногда встречаются образы змей или фантастических животных с переплетенными шеями. Третий тип печатей, который был характерен для района Диялы и Северной Вавилонии, в Уруке встречается довольно редко. К нему относятся небольшие печати, сделанные из материалов, отличных от материала печатей первого типа. На них помещали условные изображения рыб, сосудов, животных с закрученными хвостами и странных паукообразных существ, зачастую переданные несколькими штрихами. Манера исполнения печатей грубая, без достаточной проработки. Четвертый тип печатей, также распространенный в районе Диялы и в Северной Вавилонии, сформировался к концу протописьменного периода. Для этих печатей характерен глубоко прорезанный абстрактный орнамент – четырехлистник, или мальтийский крест.

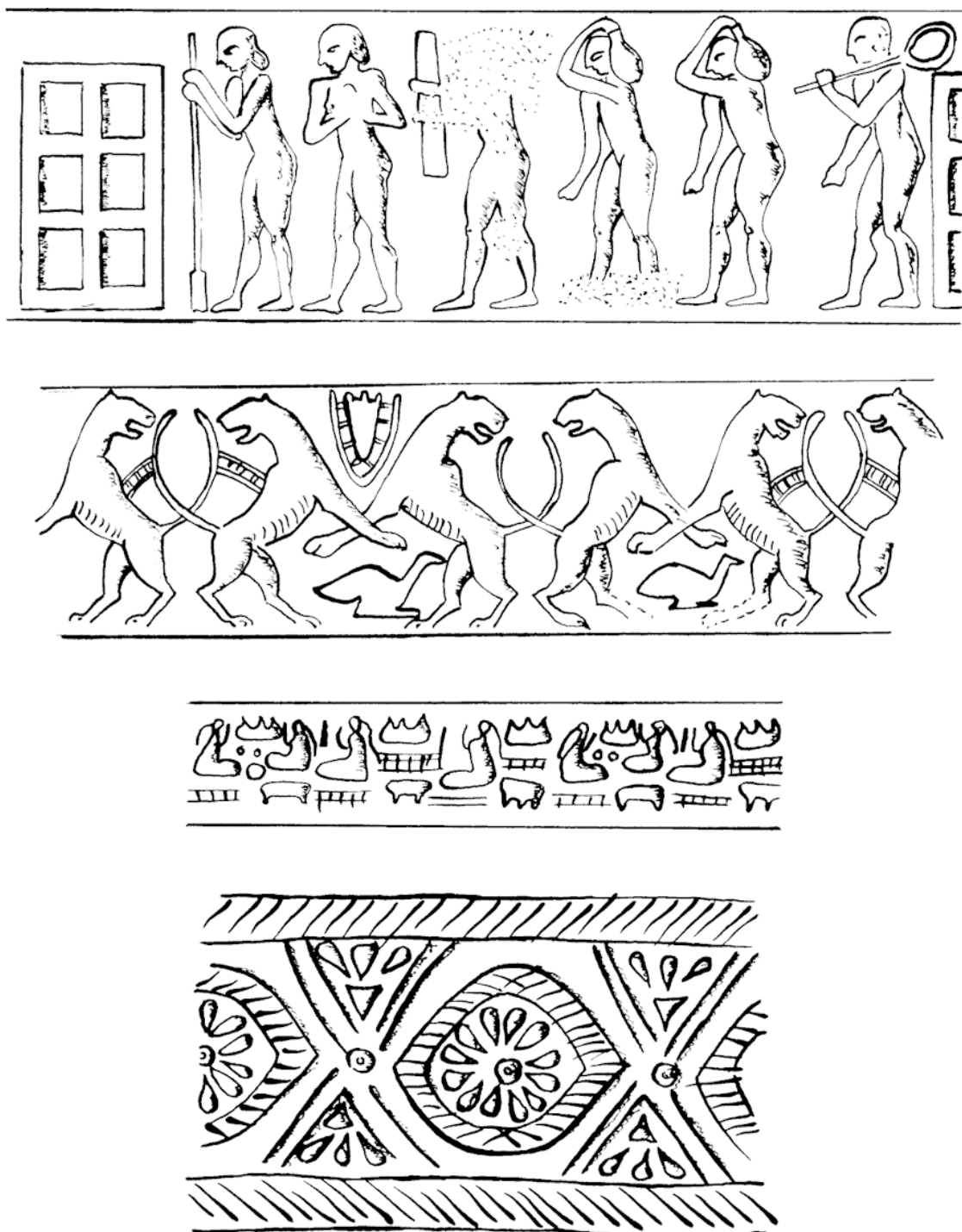

Рис. 10. Оттиски печатей протописьменного периода

На рельефных изображениях того времени встречаются те же мотивы, что и на цилиндрических печатях первого типа: правитель сражается со львами или возглавляет процессию дароносцев богине Инанне или ее жрице. Эти изображения часто размещали на каменных сосудах, где художники могли свободно воплощать свое мастерство в технике высокого рельефа.

Скульптурных изображений сохранилось совсем немного: фрагмент фигурки (вероятно, портрета правителя), напоминающей по стилистике изображения на печатях и рельефах. Также известен фрагмент статуи женщины, размеры которой превышали натуральную величину: до нас дошла лишь ее голова; на ней можно разглядеть остатки головного убора с двойной короной из рогов – типичного атрибута богов в месопотамском искусстве. Плохая сохранность

этого памятника особенно досадна, поскольку мы имеем дело с самым ранним из сохранившихся изображений богов в образе человека. Однако самым выдающимся произведением считается женская головка из Урука. Даже несмотря на повреждения, она дает представление о способности мастеров протописьменного периода реалистично передавать образы. Это прослеживается и на небольших фигурках животных, некоторые из них, вероятно, играли роль амулетов.

Но самым значительным достижением протописьменного периода, оказавшим наибольшее влияние на будущее человечества, стала разработка системы письменности. Ее появление подводит черту под всем тем, что было ранее, и открывает новую страницу истории. Это достижение дало название целому периоду: в протописьменный период появились первые письменные знаки. Когда это произошло? Наиболее ранние из известных документов относятся к слою IVa в Уруке, они представляют собой самую первую стадию развития письменности. Каждый из знаков был процарапан тонким тростниковым стилем на сырой глине. Некоторые из знаков были пиктографическими – схожие изображения встречаются на цилиндрических печатях первого типа (и что характерно, только на них). Однако большинство знаков определенно обобщает образ или значение слов, что делает их отличными от художественного языка изобразительного искусства того времени. Так, например, треугольного изображения женского лобка было достаточно для обозначения понятий «жена» или «женщина». При этом наблюдается устойчивая тенденция избегать сложных знаков (таких, как изображение человеческой фигуры в разных позах), которые были распространены в египетской иероглифике. «Авторы» этой письменности с самого начала стремились создать средство коммуникации для повседневного использования. Довольно скоро это письмо приобрело курсивную форму, далекую от изобразительности, и вскоре после конца протописьменного периода форма знаков совершенно перестала походить на первоначальную. Сначала существовало большое количество – около 2000 – знаков. К началу раннединастического периода, времени окончательного формирования письменности, в обиходе осталась лишь треть от числа первоначальных символов; исчезнувшие знаки не были заменены новыми, их отсутствие полностью компенсировали скрытые возможности письма.

По сути, клинопись была логографическим (идеографическим) письмом, где один знак или группа знаков соответствовали одному слову. Для повышения точности и увеличения коммуникативных возможностей такое письмо быстро развивало новые способы передачи информации. Идеограммы стали также использовать и для передачи омофонов (слов, схожих по звучанию, но имеющих разное значение), и вскоре появились специальные знаки для обозначения отдельных слогов. Это прослеживается на примере надписи на табличке из Джемдет-Наср (Северный Шумер), относящейся к тому же времени, что и документы из слоя IIIb в Уруке. В ней содержится личное имя Эн-лиль-ти. Его можно перевести как «(Пусть) Энлиль [верховный бог Ниппура в Центральной Вавилонии] (одарит) жизнью». Знак, обозначающий «жить», «оставаться живым», представляет собой изображение стрелы. Изначально его использовали для передачи шумерского слова *ti*, «стрела», и впоследствии этот знак стал омофоном *ti(l)*, «жить» – слова достаточно абстрактного для того, чтобы передать его изображением. По тому же принципу в египетской иероглифике слово *hpr*, «становиться», «зарождаться», передавалось изображением скарабея *hpr* (в египетской системе письма передавались только согласные звуки). В слоговом письме звуки обозначаются конкретными знаками, которые следует читать как определенное сочетание звуков, а не как идеограмму. Но знаки, с помощью которых передавали звуки, не вытеснили символы, обозначающие целые слова; в клинописи они сочетались. Эта особенность останется характерной для всех последующих систем письма, появившихся после исчезновения шумерской письменности, – аккадской, хурритской, хеттской и т. д. Последняя клинописная надпись была сделана в I в. н. э.: достижение протописьменного периода активно использовали в течение 3000 лет.

Самыми первыми письменными документами были ярлыки и хозяйственные заметки крупных храмов: такое-то количество коров, столько-то зерна и т. п. В те времена еще не было литературных произведений, исторических анналов; они появились только в середине раннединастического периода. В то же время в Уруке сохранились списки слов – свидетельства обучения письму, которое велось в школах или храмах. В Джемдет-Наср были найдены идентичные списки. Эти словники переходили из века в век вплоть до времен династии Аккада (около 2340 г. до н. э.), их использовали как учебники во всем Шумере, и эта традиция продолжала существовать в Аккаде, Эламе и Ассирии.

На каком языке были написаны эти документы? Иными словами, кто изобрел письменность? Самые ранние знаки были преимущественно идеограммами, знаками-словами, которые передавали значение слова, но не его звучание. Лишь когда эти знаки стали использовать как омофоны, или силлабограммы, мы можем получить представление о звучании слов. Мы «слышим» написанное и таким образом можем предположить, каким был разговорный язык. Так, в урукском слое Шв язык письменности был шумерским. Этот вывод сделан на основании уже упоминавшегося имени Эн-лиль-ти, поскольку слова «стрела» и «жить» звучали одинаково только в шумерском языке. Но в самых ранних документах из слоя IVa случаи использования омофонов или силлабограмм не встречаются. Таким образом, мы не располагаем достаточными лингвистическими данными для определения языка создателей письма. В то же время у нас нет ни малейших оснований полагать, что в период между слоями III и IVa в Уруке сменилось население. Поэтому можно предположить, что самые ранние документы были также написаны на шумерском и что именно шумеры были создателями письменности и творцами первой цивилизации.

Откуда они пришли? Мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. Должно быть, они пришли вместе с остальными жителями Вавилонской равнины до начала протописьменного периода, то есть в доисторические времена. К сожалению, мы не можем получить достаточное количество информации из доисторических источников, чтобы ответить на все интересующие нас вопросы. Поэтому в этом случае археологические источники малоинформативны, то же можно сказать и о лингвистических данных. Шумерский относится к агглютинативным языкам, в которых при изменении грамматической формы в словах не меняются окончания, словоизменение осуществляется путем добавления к нему в соответствии с определенными правилами других таких же неизменяемых форм. К ближневосточным агглютинативным языкам относят эламский, протохаттский и хурритский-урартский, но ни один из них не родственен шумерскому. Не прослеживаются связи и с современными агглютинативными языками: финно-угорскими, тюркскими, монгольским, баскским (даже его изучали на предмет родственности с шумерским) – и различными языками Кавказа, в частности с грузинским. Агглютинативные языки различают по принципу добавления формантов: после или перед словом или обоими способами. В шумерском используются и суффиксы и префиксы, но к этому же типу относится грузинский и несколько других родственных языков в одной части света и баскский – в другой, что дает довольно большой географический диапазон для локализации места происхождения языка. Если и были языки, родственные шумерскому, они исчезли без следа. Шумерский, насколько мы можем судить сегодня, является уникальным.

Очевидно, что в протописьменный период шумеры стали главенствовать над остальным населением Вавилонии в области культуры, что прослеживается по археологическим памятникам, и в политической сфере, что представляется наиболее вероятным. Это не означает, что Вавилония стала моноэтнической. Кроме шумеров, в ней определено жили носители семитских языков, поскольку в шумерском есть очень древние заимствованные слова семитского происхождения. К сожалению, идентифицировать тем же способом других соседей шумеров крайне сложно. В Вавилонской равнине существует множество топонимов, не имеющих этимологии или объяснения в шумерском языке или имеющих абсолютно нетипичную для шумерского

форму, но наши знания довольно ограничены, и мы не вправе делать сколь-нибудь серьезных заключений в этой области.

Между тем очевидно, что шумерский язык не вышел за пределы Вавилонской равнины. В соседнем Эламе не использовали шумерское письмо. К концу протописьменного периода появление письменности у шумеров стало толчком для появления там собственной, протоэламской, системы письменности. Отсутствие какого-либо письма в Ассирии вплоть до династии Аккада (XXIV–XXIII вв. до н. э.) можно считать показателем того, что эта территория отличалась этническим составом населения и, возможно, политическим и экономическим устройством. Различные типы цилиндрических печатей и зоны их распространения указывают на то, что даже в долине Диялы, расположенной столь близко от Вавилонии, шумерская цивилизация распространилась лишь частично. Земли, находившиеся непосредственно к северу и востоку от Вавилонии, были заселены людьми, которые жили небольшими общинами. Такая картина отчасти сохранилась и в историческое время; так было и в доисторические времена, хотя еще в тот период появились крупные регионы, объединенные единой культурной традицией.

Таким образом, в протописьменный период шумеры были доминирующим народом в самой Вавилонии, но не за ее пределами. Территория их страны находилась в границах Вавилонской равнины. Поэтому в рамках этого исторического периода мы будем называть ее Шумерской долиной.

Судьба шумерского народа была предречена тем, что он не мог рассчитывать на увеличение своего числа за счет привлечения мигрантов, принадлежащих к их собственному или родственному этносу. Носители же семитского языка в Шумере, равно как и жители западных и северо-западных окраин, всегда могли рассчитывать на поддержку извне; они определенно могли стать доминирующей группой населения лишь за счет своей численности. Шумерскому народу грозила ассимиляция в среде носителей семитского языка, а шумерский язык должен был оказаться забытым. Что и произошло к 1900 г. до н. э. На подобном фоне достижения этого малочисленного и обреченного народа, которые продолжали оказывать влияние на все население Передней Азии вплоть до последних веков истории древнего Ближнего Востока, кажутся тем более значительными и заслуживают огромного уважения.

Протописьменный период в Шумере был временем огромного благополучия. Основными центрами являлись города, которые частично сложились за счет слияния близко расположенных сельских поселений. Установить точное количество таких городов довольно затруднительно. Вероятно, все значительные города Шумера сформировались к началу протописьменного периода. К ним относились Эриду, Ур, Урук, Бад-Тибира, Лагаш, Нина, Гирсу, Умма, Ниппур, севернее – Киш, Сиппар и Акшак. Главный центр находился на юге, в Уруке. Интересно, что, хотя первые укрепления появились еще в неолитическое время, шумерские города не были окружены стеной. Это может означать, что общая политическая ситуация в стране была довольно стабильной. Основой хозяйства шумеров было земледелие, которое обеспечивалось разработанной к тому времени системой ирригации. Не менее важную роль играло животноводство. Это отражено на рельефе, нанесенном на культовый сосуд из Урука, где изображено несколько видов злаковых, растущих над волнистой линией воды, а над ними показан регистр из выстроившихся в ряд овец. Сцены на печатях и каменных сосудах также указывают на основную роль земледелия в жизни страны. Для работы в поле использовали повозки, салазки и плуг. Важность животноводства и разнообразие видов одомашненных животных нашли отображение в искусстве и в еще большей степени – в письме, где для обозначения различных небольших одомашненных животных использовали более тридцати знаков; в их основе лежит знак для обозначения слова «овца». В отличие от более поздних времен в древности свинья не была табуированным животным.

В городах трудилось множество разнообразных ремесленников. Особенно многочисленными были мастера, специализировавшиеся на обработке камня, который использовали для

строительства храмов, производства декоративных конусов для мозаики и бесчисленных сосудов. Красивые металлические сосуды и потрясающие фигурки животных указывают на высокий уровень мастерства обработки металла. Множество человек было занято производством кирпича; поскольку храмы требовали частого обновления, кирпичи и глиняные конусы для мозаики были постоянно востребованы. Судя по произведениям искусства из металла и камня, импортные материалы были в изобилии. По аналогии с более поздними периодами можно установить происхождение сырья: золото добывали в Мелуххе в долине Инда, лазурит привозили из афганского Бадахшана, камень для изготовления сосудов поступал из Иранских гор на востоке, серебро – с «Серебряной горы» (возможно, киликийского Тавра), источником меди был Маган на берегу Аравийского моря, древесину везли с восточных нагорий, леса которых значительно поредели к более позднему времени. Благодаря торговым путям Шумер был связан со всеми частями известного тогда мира. Предпочтение отдавалось торговле с востоком и юго-востоком; длительные переходы по морю были возможны до начала муссонных ветров благодаря развитым навыкам мореходства. Есть интересные находки и в северо-западном направлении. В Телль-Браке, расположенном у слияния рек Хабур и Джаг-Джаг, были найдены шумерские предметы, что можно интерпретировать как свидетельство попытки шумеров установить контроль над торговыми путями Верхней Месопотамии.

Центрами экономической жизни – земледелия и ремесла – были городские храмы. Конечно, не все храмы были столь значительны, как Э-Ана в Уруке; по самым скромным подсчетам, его постройки занимали площадь около 9 га. Распространение шумерского письма было обусловлено необходимостью учета хозяйственной деятельности храмов, которая стала столь обширной, что вряд ли кто-либо мог удержать в памяти все экономические операции. Все без исключения древнейшие глиняные таблички были найдены в пределах храмов, и каждая из них связана с учетом. Так мы пришли к выводу о причинах появления письма – общества с другой экономической структурой не испытывают потребности ни в изобретении собственной письменности, ни в ее заимствовании у других народов. На отгисках печатей и рельефах снова и снова встречаются изображения стад скота, помеченных специальными знаками как собственность бога (то есть храмов). В комплексе Э-Ана в Уруке были найдены мастерские гончаров, каменщиков, кузнецов, которые вкупе с большим количеством обнаруженных предметов дают представление об уровне специализации и разделения труда. Это одна из черт древнейшей цивилизации – значительная часть населения не была напрямую задействована в производстве пищи, многие ремесленники были заняты изготовлением предметов для местного рынка или на экспорт, где их обменивали на иноземные товары.

Во главе храмовой экономики стоял правитель, «человек в клетчатом переднике», которого изображали на цилиндрических печатях и рельефах. Нам неизвестно, как его называли в те времена. Возможно, его титулом было слово «эн», которое обычно переводят как «господин», что не вполне корректно, поскольку этот титул также подразумевает статус верховного жреца или жрицы. На сценах, где представлен «человек в клетчатом переднике», он показан именно в двойном статусе, объединяющем его сакральные и профанные обязанности (следует иметь в виду, что разделение «сакральное» и «профанное» введено в наше время, для древних людей его могло и не существовать, поэтому оно не должно создавать сложностей при изучении древней цивилизации). Нам также известно слово «лугаль» (дословно «большой человек», «хозяин»), но оно встречается только один раз – в урукском документе из слоя Шв. На цилиндрических печатях «человек в клетчатом переднике» появляется и в образе «добротного пастыря» (этот титул использовали цари в более поздние времена): он кормит краяхами хлеба двух длинноногих овец с длинной шерстью. Эта сцена, безусловно, имеет религиозный подтекст, поскольку она сопровождается символами богини Инанны – так называемыми связками тростника или опорами ворот, расположенными по краям симметричной композиции.

Мы обладаем источниками, с помощью которых можно проследить административную структуру шумерского «города-государства», начиная от протописьменного и вплоть до раннединастического периода. Во главе этой структуры стоял земной наместник городского бога. Наместник отвечал за постройку и содержание жилища бога (то есть храма) и празднование всех торжеств, связанных с культом этого бога. Он также надзирал за созданием и поддержанием ирригационной системы, без которой было бы невозможно возделывать поля бога (храмовые земли), и управлял многочисленными слугами бога (храма). Кроме того, он должен был защищать собственность бога (территорию города-государства) от внешней угрозы. То, каким образом выполнялись все эти обязанности, мы детально рассмотрим в главе, посвященной раннединастическому периоду.

В источниках не упоминается масштаб политических объединений, которыми управляли города-государства. Культура Шумера имела огромное значение: шумерскую письменность использовали в Кише, в самой северной части Шумера; в то же время связанные с ней предметы впервые встречаются в урукском слое IVb, а во времена, которые соответствовали слою III, письмо уже использовали в храмах по всей стране; учебные словники, необходимые для обучения грамоте и использовавшиеся в разных частях Шумера, были похожи. Но ни один из этих фактов не доказывает политическое превосходство одного города над всей территорией. К сожалению, в поздней шумерской традиции не сохранилось достоверных знаний о периоде формирования их истории. В Шумерском царском списке говорится о пяти последовательных царских династиях, что правили страной со времени «когда царство опустилось на землю» до потопа. Столицами этих династий были Эриду, Бад-Тибира, Ларак, Сиппар на севере и Шуруппак (совр. Фара) в центральной части. Шуруппак был последней столицей, поскольку ее царь Зиусудра также известен как Ной в легенде о потопе. В действительности источником этого свидетельства о допотопных временах в царском списке была сама легенда о потопе, поскольку пять городов названы крупнейшими центрами, которые сущест ввали в момент, когда боги решили очистить человечество. В то же время археологические раскопки в Шуруппаке не подтверждают существование на его месте в протописьменный период города, хоть отдаленно похожего на Урук, а под руинами Бад-Тибиры вполне могут находиться остатки более древнего города. В «допотопной» части царского списка не встречается упоминание Урука и Лагаша. Урук назван столицей II династии после потопа, которой предшествовала династия из Киша (большинство из этих правителей носили аккадские имена, что указывает на разницу между югом и подверженным сильному семитскому влиянию севером). Обе эти династии, существовавшие одновременно, относят к раннединастическому периоду. Таким образом, царский список не содержит достоверных сведений о политической истории протописьменного периода.

С другой стороны, религиозная традиция шумеров более достоверно отражает ранние этапы истории. Мы уже отмечали, что в Эриду место поклонения богам оставалось неизменным начиная с убейдского периода; можно предположить, что это относится ко всем городам. Не обязательно, что сохранялась непрерывность отправления культа одного и того же бога или бога с одним и тем же именем. И конечно же нельзя утверждать, что представления о богах оставались неизменными на протяжении длительного времени. В большинстве случаев боги протописьменного периода известны по символам, скульптурным изображениям и надписям. Самыми распространенными символами были шестообразные предметы: к самым известным относятся «врата» или «связки тростника» Инанны в Уруке или «шест с пряжкой» урского бога Луны Нанны. Вероятно, это изображения тотемов. Как можно судить по фрагменту головы в божественной короне, существовали и антропоморфные образы богов. В документе, относящемся к урукской фазе IIIb, в одном квадрате размещены символы «праздник», «звезда», «Инанна», «день» и «восходить». Это можно прочесть как «праздник в день, когда восходит Инанна» (несомненно, имеется в виду гелиакаческий восход). Судя по всему, здесь, так же как и в более поздних текстах, Инанна ассоциируется с планетой Венера, что может указы-

вать на уже свершившийся переход от тотема к антропоморфному божеству. Таким образом, символы стали относиться к божеству с обликом человека. В более поздней религиозной традиции Шумера некоторые боги упоминались с эпитетом «древний», они могли восходить к самым ранним религиозным культам. К «древним» относили следующих божеств: Нгатумду, «мать Лагаша»; Нисабу в Эреше, Нунбаршегуну в Ниппуре; Белили, сестру Думузи; и Билулу. Все они были богинями. Имена, значения которых нам понятны, шумерского происхождения: Нисаба обозначает «зерно», имя Нунбаршегуну содержит шумерское определение разновидности ячменя (*hordeum rectum nigrum*). Неизвестно, почитали ли этих богинь в протописьменный период. Стоит отметить, что во главе пантеонов ряда древнейших городов стояли богини. У богинь были мужья, имевшие существенно меньшее значение: в Лагаше были Нгатумду с супругом Нингирсу; в Нине – Нанше и Ниндара; в Кише – Нинту и Шулпа-иа. Инанна и Думузи (семитские Иштар и Таммуз), возможно, также относятся к этой категории, хотя в данном случае мужем богини является смертный человек. Положение мужчины и женщины в этих парах не соответствует традициям патриархальной семьи, известной по шумерским источникам. Однако так было не всегда: судя по надписи Уруинимгины, правившего Лагашем около 2350 г. до н. э., в древности существовал обычай полиандрии, который был упразднен при этом царе. Кажется логичным, что если в основе цивилизации были земледелие и скотоводство, то первые антропоморфные божества будут олицетворять богинь, подобных Нисабе (зерну) или Турдур (овце), от которых зависели плодородие пашни, плодовитость скота и благополучие в людских жилищах.

В то время как в Шумере разрастались города и распространялись плоды цивилизации, большинство соседних земель, за исключением Элама, оставались на уровне деревенской культуры. Эламская цивилизация в чем-то развивалась по образцу шумерской культуры. Благодаря развитым торговым связям Шумера некоторые достижения, оказавшие существенное влияние на развитие местных культур, стали доступны и населению других частей Передней Азии. Например, существовала тесная связь между Шумером и Эшунной (совр. Телль-Асмар) в районе Диялы: здесь были найдены цилиндрические печати нескольких типов и другие предметы, которые идентичны тем, что находят в Северной и, в меньшей степени, Южной Вавилонии. В Сузах, главном центре Элама, шумерское влияние прослеживается настолько сильно, что его иногда объясняют политической зависимостью этой территории от Шумера. Но появление самостоятельной эламской письменности в период Урук III, хоть и основанной на принципах шумерского письма, является признаком определенной самостоятельности, несоотносимой с иноземным владычеством. Точно так же наряду с наиболее частыми цилиндрическими печатями из Суз – со сценами охоты или геральдическими композициями, которые были характерны для печатей из бассейна Диялы, – встречаются и оригинальные местные типы печатей. Тесные связи с шумерским искусством прослеживаются и на примере небольших каменных фигурок животных. В значительно меньшей степени представлены контакты с районом Ассирии. Так, оттуда была привезена цилиндрическая печать с изображением культовой барки из Телль-Биллы; она аналогична печатям, найденным в слоях IV и III в Уруке. В расположенном неподалеку Тепе-Гавре, в слоях, соответствующих протописьменному периоду Шумера, были найдены остатки храмов, форма которых сохранялась на протяжении нескольких веков. Эти храмы можно соотнести с храмовыми комплексами, известными на Вавилонской равнине с убейдского периода, однако они обладают собственными отличительными признаками. По странному совпадению, наиболее похожий храм был возведен 1500 годами позднее (около 1430 до н. э.) касситским царем Караиндашем в Уруке. В Ассирии в протописьменный период были распространены простые печати, цилиндрические появились в Тепе-Гавре только к раннединастическому периоду, времени правления царей династии Аккада. Наиболее частым мотивом на печатях были изображения горного козла; образы домашних животных и людей встречаются крайне редко. Свидетельств использования шумерской письменности не найдено.

Памятники шумерского стиля находят и в еще более отдаленных от Шумера районах – в Телль-Браке, что в верховьях реки Хабур. Там в слоях, соответствующих протописьменному периоду, были обнаружены мозаики, сложенные из керамических конусов. Ими были украшены внешние стены храма, который имел ряд схожих черт со святилищами в Уруке. Основным мотивом мозаик был спиралевидный орнамент, известный также по памятникам Шумера и района реки Диялы; в Телль-Браке спирали приобрели форму огромных глаз. Над некоторыми из них помещено изображение высоких головных уборов, и в целом эти образы напоминают антропоморфные изображения, которые схожи с найденными там же скульптурами «алебастровых идолов». В свою очередь, эти «идолы» могут быть связаны с сохранившимся фрагментом головы божества из Урука. В Телль-Браке количество памятников, связанных с культурой Шумера, значительно превосходит число подобных находок в Ниневии или Тепе-Гавре. Скорее всего, Телль-Брак был анклавом Шумера на севере, и это предположение прекрасно коррелирует с находкой руин постройки, возведенной на месте сооружения протописьменного периода – «дворца» Нарам-Суэна из династии Аккада (около 2260–2223 до н. э.), восстановленного при царях III династии Ура (около 2100 до н. э.). Так называемый дворец представляет собой крепость, возведенную для удержания власти на севере и контроля торговых путей; с величайшей осторожностью можно предположить, что руины протописьменного периода могли принадлежать зданию с таким же назначением. Если мы примем это предположение, то будем вынуждены поставить вопрос о военно-политической экспансии Шумера, причем на настолько огромной территории и в настолько ранние времена, что чувство профессиональной осторожности заставит нас отбросить эту гипотезу. Тем не менее, вспоминая сцены на цилиндрических печатях протописьменного периода, где «человек в клетчатом переднике» получает пленников, сложно представить, что эти люди были захвачены в результате внутренних войн. Возможность военных действий на территории самого Шумера также входит в противоречие с шумерской традицией возводить города без укреплений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.